

Александр Сеземин

**Тайна тройного
убийства**

Александр Сеземин

Тайна тройного убийства

«Автор»

2026

Сеземин А.

Тайна тройного убийства / А. Сеземин — «Автор», 2026

Не одно столетие назад немецкий мастер создал королевскую тиару, наделенную особыми свойствами. Корона могла творить как добро, так и зло, что зависело от человека, водрузившего ее на голову. Прошли века, тиара добралась и до нашего времени, оставляя за собой кровавый след. Полковнику Максимову поручено не только раскрыть убийства, но и оборвать шествие зла по городам и странам.

© Сеземин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Первая часть. Древняя тиара, вершившая судьбы людей	5
Непростая судьба женщины	5
Наследство матери	7
Путешествие пожилой женщины	10
Двойная жизнь верной жены	13
Смерть нотариуса	16
Тайны умершего	18
Письмо и обыск	21
Тайны за высоким забором	24
Провал оперативного мероприятия	27
Пистолет	29
Поиск стреляной гильзы	32
Короткая дружба майора и капитана	35
Вскрытие опечатанной квартиры	37
Уснуть проще, чем проснуться	39
Странная женщина	41
Родство чужих людей	44
Две сестры и наследство матери	46
Исчезновение фигуранта дела	48
Помощь	51
Похищение женщины	53
Чужая женщина	56
Выяснение отношений	58
Последствия телефонного разговора	60
Ожидание новостей	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тайна тройного убийства

Первая часть. Древняя тиара, вершившая судьбы людей

Непростая судьба женщины

Нина Ивановна Потапова родилась в Магаданской области в поселке Эльген, месте по своему уникальном с одной стороны, красивом с другой. Одна река Таскан, приток Колымы, чего стоила. Отец Нины Ивановны был из кумовских, а мама приехала с Урала на перекладных, добиралась долго. Ехала поездом до Ванино, есть такой порт в Хабаровском крае, больше грузовой, здесь кончается железная дорога, БАМ. Ванино расположено на берегу Татарского залива, за которым лежит остров Сахалин, хотя и островом его назвать сложно, под тысячу километров с севера на юг.

От Ванино до Магадана пришлось плыть по Охотскому морю не круизным лайнером, а в трюме грузового судна, от Магадана до Эльгена ехать в кузове грузовика. Такие сюрпризы иногда преподносит судьба, судьбинушка. Хотя в случае Вали Колывановой, будущей мамы Нины, клянуть судьбу все же не стоило, не во всем, но во многом женщина сама оказалась виноватой.

В Эльгене, где размещался женский трудовой сельхозлагерь, жить было можно, даже можно было выжить, только для этого приходилось очень постараться. В те времена стремились попасть под Указ и освободиться, родив ребенка. Вот и старались женщины с кем можно и нельзя. Беда заключалась в том, что Указ администрация применяла очень избирательно. Большая часть женщин так и оставалась работать в поле за свои проступки, а дети до трех лет жили в детском доме тут же в поселке и матерей своих не знали.

Валю Колыванову определили в лагерь надолго, наказание только отчасти связывалось с ее прежней работой в столовой. А так, женщина была хорошей поварихой. Поэтому ей повезло, готовить еду все же лучше, чем карячиться в поле, по крайней мере сытой будешь. А потом и дальше. Иван Васильевич Потапов, замначальника ИТУ, будущий папа Нины, заметил повариху. Наверное ему сначала понравилось, как она готовит. Поэтому повариху перевели в столовую для обслуживающего персонала колонии. Здесь и работы было меньше, и продукты получше.

Валя как-то быстро раздобрела на новой работе, не в смысле, что растолстела. Лицо округлилось, да и другие места, приятные для глаза мужчины. В общем, как-то склеилось у Ивана и Вали, не сказать, что любовь случилась, но что-то произошло. Колыванову расконвоировали, и она поселилась в селе у старенькой женщины. У Ивана Васильевича имелась конечно квартира в поселке, но в доме жили сотрудники лагеря, и приводить туда женщину, тем более ээчку, было как-то несподручно. Существовало такое неописанное правило, тем более оперчасть не дремала. Хотя подобные заимки устраивали себе многие, даже женатые, выбрать для души отраду было из кого. Семьи сотрудников колонии как правило жили в Магадане.

Через год у Вали родилась девочка, и Колыванова попала под тот самый Указ. Конечно Потапов помог. Судимость с женщины сняли, но ограничение в правах осталось, за пределы Магаданской области выезжать запрещалось. Так и жили Иван и Валя в Эльгене. Колыванова продолжала работать в столовой ИТУ, только теперь вольнонаемной, и даже поднялась до должности заместителя по производству. Потапов благополучно дослужил до пенсии, немного оставалось, он был старше Вали. В поселке конечно знали, что Нина его дочь, а Валя - жена,

только неофициальная. Но по большому счету кому до этого было дело. Тем более ИТУ скоро закрылось, и поселок опустел.

Потаповы, в какой-то момент они зарегистрировали брак, а Нину Иван Васильевич удочерил, все сделал как положено, переехали в Магадан. Валя работала по специальности в одной из городских столовых, Иван Васильевич получал пенсию, на жизнь хватало. Квартирку правда маленькую получили. Нина пошла в школу.

На пенсии Потапов прожил не долго, сказались тяготы прежней службы, а тут вдруг здоровье подкачало. Мама Нины в пятьдесят лет вышла на пенсию, сидела дома и ушла в мир иной гораздо позже. Нине Ивановне Потаповой к тому времени тоже было немало, уже под шестьдесят. Но она считала себя молодой пенсионеркой, энергии у ней еще хватало.

Стоит немного рассказать, как Нина Ивановна прожила большую часть своей жизни. Честно, ничего примечательного с ней не случилось, жила и жила, как все. Школа, училище и специальность парикмахера, работа в одной и той же парикмахерской, причем мужской. Вышла замуж за клиента. Год стригся у ней паренек, потом женились. Дочь Оля родилась, замечательная девчушка со светлыми кудряшками.

Муж устроился работать на судно, дома бывал редко, приедет на побывку, и опять его нет. Правда деньги всегда присылал, да и заграничные вещи хорошие привозил. В короткие встречи особенных страстей не случалось. Муж ссылся на усталость, а Нина женским чутьем понимала, не нужна ему, а уж по каким причинам, не важно. В очередной раз Нина проводила мужа, отвела тогда еще маленькую дочку к бабушке и пошла в ресторан. Была у Нины подруга по несчастью, такая же жена моряка, вот они и начали время проводить. На таких одиноких жен в Магадане спрос среди мужского населения всегда имелся.

Не долго праздник продолжался, хотя может все и к лучшему произошло. От мужа пришло письмо, что он меняет порт приписки, будет жить во Владивостоке и прислал заявление о разводе. - Ну и ладно, - подумала Нина, даже обрадовалась. Развелись заочно, алименты, теперь уже бывший муж оформил. Так что все случилось к лучшему.

Больше Нина замуж не вышла, не хотела. Понравилось ей быть свободной от семейной жизни. Тут и дочь школу закончила, в Магадане не осталась и уехала в Санкт Петербург, поступила в институт на экономический факультет. Специальность выбрала, связанную с финансами. Пока училась, проводить мать и бабушку прилетала не каждый год, стала самостоятельной, брала пример с матери.

Ну и что, вот вроде бы и все. Жизнь удалась или нет, как тут решишь. Вся жизнь в Магадане безвыездно, родители умерли, дочь уехала навсегда, одна. Так бы наверное и случилось, дожила Нина Ивановна ей отпущенное, и обнаружили ее в квартире бездыханную, никому не нужную.

Но нет, пришло письмо с казенным штампом, да еще с Урала из незнакомого города. Нина Ивановна с трудом вспомнила, там и жила мама, пока ее не отправили в Магадан отбывать наказание. А в содержании письма вообще разобраться не получилось.

Ехать надо, - вдруг пришла мысль, - что мне тут всю жизнь сидеть...

Наследство матери

Ехать конечно было очень далеко, но все равно хотелось. Вдруг повеяло на Нину Ивановну ветром странствий, почему далекие края не посмотреть. Не всю жизнь в Магадане прожить, можно и страну увидеть. Доехать до Урала, перевалить через горы и оказаться уже в европейской части романной страны. Да и дорогой много интересного будет. Из Магадана конечно летал самолет, но что разглядишь с громадной высоты, только зеленое море тайги, как пелось в популярной песне. Поэтому Нина Ивановна решила совершить настоящее путешествие - морем до Владивостока, остановиться на несколько дней, а дальше поездом Владивосток - Москва до одного из областных Уральских центров, откуда пришло письмо, куда ее приглашали приехать.

Но Нина Ивановна, хотя и проработала всю жизнь парикмахером, была отнюдь не простушкой неразумной, решила подготовиться к смене места жительства весьма основательно. - Однокомнатная квартира была у ней приватизирована, сначала хотела обменять на Уральский город, но потом передумала. Подходящего случая можно ждать долго. Лучше квартиру сразу продать и обрубить концы с Магаданом, а на новом месте купить другое жилье, только конечно сначала цены разузнать. - Все эти мысли крутились в голове у женщины день, даже ночью спать не давали.

Решиться на конкретные действия Нина Ивановна все равно одна не смогла, пошла посоветоваться к своей закадычной подруге, той самой, с которой праздновали в ресторанах уход мужей в плавание. Старые похождения уже забылись, но дружба осталась. Правда встречались теперь женщины не часто. Нина Ивановна сидела дома на пенсии, на удивление времени ей не хватало, все чем-то занята была. Кстати, втихаря продолжала стричь ограниченный круг прежних клиентов, подработка была не лишней.

Тамара Петровна Девяткина, подружка, отслужила следователем в органах, капитаном вышла на пенсию, но неугомонная натура тоже покоя не давала, занялась адвокатской практикой. И если раньше отправляла людей в места не такие и далекие от Магадана, то теперь с таким же рвением принялась защищать будущих сидельцев. Очень ей помогал взгляд на судьбы человеческие с двух сторон.

- Тома, уехать отсюда хочу, - сообщила новость Нина, подружки конечно были на ты, как повелось сколько уж лет назад, и встретились по старой памяти в ресторане, том самом, где обычно отмечали уход мужей в рейс. Только когда это было, теперь и вспомнить трудно.

- Здравсте, - удивилась Тамара, - с чего бы вдруг?! Вроде возраст уже не тот, чтобы с насиженного места срываться. Да и родилась ты здесь.

- В Эльгене...

- Все равно местная.

- Мама у меня с Урала, вот туда и хочу переехать. Она не местная, здесь только срок отбывала.

- Родню хочешь поискать?

- Да как тебе сказать... Я с тобой по другому поводу хотела посоветоваться. Квартиру хочу продать.

- Сразу и продать?

- Вот и я не знаю... Что скажешь?

- Квартира твоя?

- Моя, с дочкой жили.

- А родительская?

- Так она казенная была, по линии отца.

- Ну да, он же в ГУЛаге служил.

- Пока мама была жива, за ней оставалась, потом забрали.
- Ты никогда про маму не говорила.
- Да она и сама не рассказывала. Она здесь срок отбывала, отец ее и заметил...
- Под Указ попала?
- В Эльгене мы с ней на квартире жили. Как отец на пенсию вышел, родители женились, потом и в Магадан перебрались. Отец меня удочерил.
- А по какой статье она... За что сидела?
- В столовой работала, как и здесь... За это наверное.
- Ну да, общепит дело такое. И все равно не понимаю, зачем тебе туда ехать?
- Ты мне лучше про квартиру скажи.
- Не продавай сейчас, как еще там все повернется...
- Вот и я сомневаюсь.
- Так не езд.
- Ехать надо!
- Так все же дело какое есть?
- Да, письмо недавно пришло, как раз оттуда... Только ничего я в том письме не поняла.
- От кого?
- Штамп казенный...
- Даже так? А письмо с собой? Показать можешь?
- Да вроде в сумке лежит, достать?
- Давай, может прояснится что.
- Вот оно, хорошо, что дома не оставила.

Тамара принялась изучать сначала конверт, потом и само письмо, отпечатанное на машинке, а Нина принялась за свиную отбивную, уже холодную. Подружкам за разговором стало не до еды.

- Ну да, ехать тебе надо, - согласилась Тамара.
- А дело-то в чем?
- Письмо от нотариуса, Уханова Сергея Лазаревича...
- Это что за отчество такое, первый раз слышу.
- Отец у него видимо евреем был, а может и есть.
- Так фамилия русская.
- Ну так что... Тут другое важно... Оказывается твоя мама завещала содержимое банковской ячейки своей дочери... У нотариуса и хранится завещание Валентины Федоровны Колывановой. У мамы твоей девичья фамилия Колыванова?
- Колыванова, - подтвердила Нина, но больше ее волновало другое. - Это что, у мамы еще дочь была или есть? Как зовут-то ее.
- Нет, здесь по другому написано. Когда завещание составлялось, не было у твоей мамы детей. Хотя, само завещание надо читать...
- А завещание где?
- Я же тебе сказала, у нотариуса оно.
- Ладно. А если бы сын родился?
- Ну так что, тогда между братом и сестрой может наследство делиться, или между несколькими детьми. А может и так быть написано, что только одному... первенцу, либо второму. Как твоей маме захотелось...
- А ты можешь со мной поехать? - Вдруг спросила Нина и жалобно посмотрела на подругу. - Помогла бы мне.
- Нет, Нин, никак не смогу, - ответила Тамара, - у меня несколько дел, в судах надо выступать. Вот с квартирой твоей помогу, давай, квартирантов найду и следить за квартирой буду. Деньги стану тебе пересылать. На твою северную пенсию, там не прожить.

- Ну хорошо, - неуверенно согласилась Нина. - Поможешь квартиру в порядок привести?
- Конечно. Когда займемся?
- Да хоть завтра вечером.
- А ты вообще до Урала как добираться собираешься?
- Морем до Владика, там поездом... Страну посмотреть хотела.
- Лети-ка ты лучше самолетом.
- А зачем?

- Чем быстрее приедешь, тем лучше. И телеграмму надо нотариусу послать, пусть знает, что наследница нашлась... Это так, на всякий случай.

Перед тем, как освободить квартиру матери, Нина кое что из вещей забрала. Был среди них и небольшой чемоданчик, закрытый на замки.

- В нем что? - Спросила Тамара, помогая с уборкой.
- Да, так и не открыла, забыла про чемодан... тяжелый.
- Надо бы посмотреть, что внутри. Ключа нет?
- Не было. Сейчас соседа позову, он слесарь, наверное сумеет.

Когда чемодан открыли, в нем оказалось несколько книг, документы, отпечатанные на машинке, и пачка писем, перевязанная бечевкой.

Путешествие пожилой женщины

Содержимое вскрытого старого чемодана матери показалось Нине не интересным - три художественные книги, отпечатанные на машинке несколько листов с подписями неизвестных людей и синими печатями, а письма вообще можно было сразу бросить в печку, если бы такая была. Зато Тамара, подруга Нины, проявила к найденному живой интерес и попросила изучить содержимое чемоданчика.

- Да забирай хоть насовсем, - согласилась Нина, - Мне ничего не надо.
- Ты лететь когда собралась?
- Сегодня в кассу хотела идти, а что?
- Недели две дай мне.
- Зачем?
- Поизучаю, что здесь.
- Ну, как знаешь. Я пока собираться стану.

Следующий день у Нины Ивановны получился насыщенным. В кассу Аэрофлота она сходила, узнала расписание. Оказывается лететь из Магадана надо через Москву, прямых рейсов в нужный областной центр на Урале не имелось. С билетами проблем не было, тем более, что дата вылета могла сдвигаться. Затем Нина Ивановна купила чемодан, до этого не обзавелась, и когда шла по улице, как-то хорошо и светло стало у ней на душе - прощалась с городом, в котором прожила всю жизнь и нисколько не жалела, что уезжает.

О возможных трудностях на новом месте в чужом городе не думала, не предполагала. - Откуда они вообще могут взяться?! - А про наследство не вспоминала, и не любопытно ей было, что мама оставила, да еще в банке. Откроют ячейку, а там лежит сто рублей, и ладно. Свою квартирку конечно жалела, маленькая, уютная. Да что в ней толку. Поэтому вещей набралось немного, на чемодан. На новом месте жизнь начинать надо заново. А старое пусть уходит в прошлое, в небытие.

Клиентов своих Нина Ивановна жалела, в основном к ней ходили пенсионеры, плату брала меньше в отличие от парикмахерской. А потом подумала, что я им, найдут еще кого-нибудь.

Не сказать, что Нина Ивановна сидела на чемоданах, один у ней был, но настроение было уже дорожное. - Первый раз в жизни полечу на самолёте! - Даже пожилая женщина радовалась предстоящему приключению. Правда в состоянии приятного ожидания пришлось пробыть недолго. Тамара Петровна прибежала к подружке через два дня, никаких двух недель не потребовалась. Причем состояние у ней было до крайности возбужденное, прежде Нина Ивановна подружку такой никогда не видела.

- Ну, рассказывай?
- Квартира у тебя есть!
- Ну есть, и что?
- Да я не про эту, там, куда едешь!
- Это как?! - Не поняла Нина Ивановна.
- Квартира за твоей мамой так и осталась!
- Она же говорила, ничего у ней нет...
- Формально по документам да, но квартира ее... долго объяснять.
- Ты из завещания узнала? - Нина Ивановна как стояла, так и села на чемодан, стоящий посередине комнаты.

- Нет, - Тамара Петровна даже начала раздражаться, - завещание у нотариуса там, а вот договор из чемодана между твоей мамой, Валентиной Федоровной Колывановой и Ива-

ном Сергеевичем Первушиным, договор между прочим бессрочный. Квартира принадлежит Первушину, а мама твоя арендатор. Поняла?!

- Да вроде, - Нине Ивановне все было невдомек. Праздника с переездом пока никак не получалось, возникали одни проблемы. - Значит можно сразу в ту квартиру приехать?

- Может и можно, а может и нет. Договор давнишний, может и дома того уже не существует, а может квартира в собственности других людей.

- Тогда, почему говоришь, что квартира ее?

- По документам так... Эх, поехать бы вместе, работу бросить не могу... Боязно мне за тебя.

- Ничего, справлюсь, - Нина Ивановна пожала плечами.

- А мама твоя ничего про этого Первушина не говорила?

- Вообще о своей прежней жизни не рассказывала. Да и семья у нас была, папу любила, да и он ее.

- Письма из чемодана от Первушина, - добавила Тамара Петровна. - Извини, прочитать пришлось.

- Да мне собственно какое дело...

- Не интересно о чем пишет?

- А мама ему отвечала?

- Из его писем не понятно, а Первушин этот твою маму любил, в каждой строчке, да через строчку о чувствах... А он не приезжал сюда случайно?

- Да ты что! - Возмутилась Нина Ивановна, а потом, подумав, добавила, - пока папа был жив, точно нет.

- Ну, это уже их дела.

- Подожди, - Нина Ивановна, как не хотела, все же взяла один конверт, - до востребования, главпочтамт, Колывановой...

- А фамилия у твоей мамы какая была?

- Потапова, как у отца. Они еще в Эльгене официально поженились. И отец меня удочерил.

- Как же твоя мама письма на свою девичью фамилию получала?

- А я знаю? - Усмехнулась Нина Ивановна.

- Ладно, не будем в прошлом копать, хотя иногда бывает и полезно... Ты чемодан уже собрала?

- Вот, купила, сижу на нем, полным получился.

- Сумка с собой есть?

- А как же, - Нина Ивановна показала дамский маленький ридикюльчик, куда входили кошелек и губная помада.

- Возьми мамин чемоданчик, он не большой, а сумочку в него положи.

- Старый, да и зачем?

- Папку с документами в него положим, тут и письмо от нотариуса, и по квартире документы. Письма от Первушина захвати, возьми, возьми, пригодятся, и три книги... в этом же чемоданчике были.

- А книги-то зачем? Да я и читать не люблю.

- Поверь, пригодятся, мама их не просто так держала, да и в самолете надо будет чем-то заняться, перелет до Москвы долгий...

- Билет-то можно уже покупать? - Спросила Нина Ивановна, готовая на все, лишь бы подруга оставила ее в покое.

- Покупай, - как бы разрешила Тамара Петровна, - может в кассу с тобой сходить?

- Спасибо, Тома, справлюсь.

- Да, чуть не забыла, - подружка остановилась в дверях, - вот, от той квартиры ключ.

- А он у тебя откуда? - Удивилась Нина Ивановна.

- Смотри, - Тамара Петровна раскрыла чемоданчик, хотя это был скорее маленький дорожный саквояж из кожи, правда весьма потертой. - Вот тут есть кармашек, там этот ключ и лежал.

- Почему ты думаешь, что ключ от квартиры?

- Видишь бирочка на нем с номером пять.

- Вижу.

- И в договоре на квартиру указан номер пять. Поняла?

- Поняла конечно. А адрес, адрес квартиры где можно посмотреть?

- В договоре конечно, давай-ка я тебе сама его покажу. - Тамара Петровна скинула пальто, в квартире подруги было жарко и еще раз достала все из саквояжика. - Вот, здесь, записывай.

- Куда записать только... - Нина Ивановна засуетилась.

- У тебя записной книжки нет?

- Откуда!

- Возьми, новую себе купила. - Тамара Петровна достала из сумочки блокнотик. - А ручка?

- Карандашик только.

- Ладно, ручку еще подарю, она счастливая. Пиши, улица Ленина, дом 186, квартира 5. Записала? Дай посмотрю. Все правильно. Ниже мой адрес запиши. Телефон в конторе помнишь? Тоже запиши и напиши Тамара, чтобы не перепутать. - Подруга тяжело вздохнула, тревога за отъезд Нины только усиливалась.

—
Уважаемые читатели, в предыдущих частях о Максимове автору удавалось обходить настоящее название областного центра и области, где происходили основные события. Однако, когда сюжет вышел за пределы региона, все же пришлось придумать название. Пусть это будет областной центр Парминск, название созвучно с языком народа, издревле населяющего этот Уральский край.

—
Билет на самолет до Парминска Нина Ивановна купила сама. Она хотела побыстрее расстаться с Магаданом и наконец стать самостоятельной, как и привыкла жить. Правда до отъезда оставалось три дня, и Тамара приходила каждый вечер, давая последние напутствия и наставления. В день отлета подруга заехала за Ниной Ивановной на такси, решила проводить чуть ли не до самолета. Та терпела, молчала, но не обижалась. Тамара искренне переживала и желала только добра.

В аэропорту на регистрации произошел еще один казус, можно сказать, два. Сначала Тамара проконтролировала, чтобы чемодан транзитом долетел до Парминска, а потом удивилась, что пересадка в Москве займет около десяти часов и чуть ли не хотела потребовать поменять билет.

- Том, успокойся, - вмешалась Нина, - я специально так купила.

- Зачем?

- День в Москве, на экскурсию съезжу. Когда еще придется!

- Не потеряйся, на самолет не опоздай! - Разволновалась Тамара. - Из Москвы дай телеграмму, ну и потом, как до места доберешься. Буду ждать!

Подруги обнялись, поцеловались и прослезились. Нина Ивановна роста была небольшого, даже маленького. Темно зеленое драповое пальто казалось на ней длинноватым, да так и было, опускалось ниже щиколоток. Лаковые черные ботинки не подходили. Коричневая фетровая шляпка с полями сидела как-то не так. А тут еще злополучный саквояжик дополнял общий несуразный антураж пожилой женщины. Но, что либо менять было уже поздно.

Лишь бы до места добралась, - прошептала Тамара Петровна.

Двойная жизнь верной жены

Нина Ивановна добралась до Парминска нормально, ничего с пожилой женщиной не случилось. В самолете до Москвы даже доставала книжки из саквояжа. Но до чтения так и не дошло, фамилия автора не понравилась, Ромашкин. - Что это за фамилия несерьёзная, не может человек с такой фамилией написать что-то интересное. - Так рассуждала Нина Ивановна, прочитавшая за свою жизнь несколько произведений в рамках школьной программы, да и как читала, тот еще вопрос.

Полет проходил ночью, самолет убегал от наступающего утра, пытаясь спрятаться в темноте, но это плохо получалось. Солнце и свет настигли в Москве, а рейс на Парминск отправлялся только вечером. Нина Ивановна день провела в столице. В аэропорту работало экскурсионное бюро, и транзитные пассажиры могли воспользоваться его услугами. Столица произвела на женщину сильное впечатление. Сначала Нина Ивановна пыталась сравнивать Москву с Магаданом, больше сравнивать было не с чем, но потом бросила бесполезное занятие. Какие тут могли быть сравнения. Моря конечно не нашлось, да оно и не нужным здесь казалось.

В Парминске Нина Ивановна поселилась в гостинице Урал, сняла одноместный номер, средства позволяли, и просто гуляла по центру города, все еще чувствуя себя туристкой. Надо бы было начать заниматься делами, только очень не хотелось. Сознание подсказывало, ничего хорошего здесь ожидать не может. Маму свою Нина Ивановна очень любила, но любила ту, память о которой была связана с Магаданом, прежней жизнью. Может поэтому так и не открыла саквояж, боясь узнать новое, совсем из другой маминой жизни в Парминске. Ведь за какое-то дело мама отбывала немаленький срок в колонии.

Пятиэтажный дом 186 на центральной улице Ленина, в котором у мамы оставалась квартира, находился от гостиницы недалеко, через четыре квартала. Нина Ивановна прошла мимо, нашла первый подъезд и даже определила окна квартиры на втором этаже, занавешенные прозрачным тюлем, только зайти с первого раза не решилась. Нотариальная Контора Уханова тоже располагалась на Ленина, только каждый раз оказывалась закрытой, хотя неделя была рабочей.

На третий день пребывания в Парминске Нина Ивановна все же сделала над собой усилие и пошла на квартиру вечером, так было проще узнать, живет ли кто в ней. И правда, на кухне горел свет, занавески оказались задернутыми, значит кто-то был.

- Надо идти, - подумала Нина Ивановна, вздохнула, зашла в полутемный подъезд и поднялась на второй этаж. Пятая квартира находилась слева. Женщина повертела в руке ключ из саквояжа, но вставить его в замок не решилась. Звонок прозвенел так пронзительно, что вечерняя гостья даже руку отдернула от кнопки. За дверью слышались шаги, щелкнуло, и дверь открылась. В коридоре стояла женщина в халате, возраст которой определить было трудно.

- Валя?! - Хозяйка внимательно вглядывалась в пришедшую женщину, свет на площадке был слабым.

- Не-е-т, - удивленно ответила Нина Ивановна.

- Как не Валя, а саквояж?

- Я, Нина, дочь ее, - наконец догадалась гостья.

- Вот оно, что! - Поняла и хозяйка. - Ну заходи.

- Я не надолго, узнать только.

- Заходи, заходи, поговорим.

Нина Ивановна сняла пальто, шляпу, поправила волосы.

- Но ведь Валя и есть Валя, одно лицо! Мама-то как?

- Мама умерла, - ответила Нина.

- Жалко-то как, давно?

- В том году.

- Пойдем, комнату ее покажу.
- А вы кто моей маме будете, не родственница?
- Больше чем родня, об этом потом... Вот и комнатка мамы твоей, ничего, что я на ты?
- Ничего, по возрасту мы вроде близко?
- Ну, да, ну, да. А я, Рая, Рая Желнина, вместе с твоей мамой работали... Не говорила про меня?
- Она про свою прошлую жизнь вообще не рассказывала, не любила.
- Вот значит как... - хозяйка даже расстроилась, но быстро отошла, - Ну ничего, всяко бывает, так, да-к, так. Вот, смотри, ее комната... во второй я пока живу, сторожу квартиру. Ну, а теперь как скажешь. Надо, завтра съеду.
- Нет, что ты, живи. Я и сама-то еще не знаю, как дальше, где жить, что делать.
- Ну, осматривайся, пойду чайник поставлю. Чай-то будем пить?
- Ничего не купила, не знала, что тут... кто.
- У меня все есть.

Рая ушла на кухню, а Нина Ивановна стояла посередине комнаты, оглядывалась и никак не могла представить, что ее мама, пусть еще очень молодая, жила здесь. Если здесь и жила, то совсем другая женщина, с другим характером, только внешне похожая. Мебель в комнате так и оставалась из той, совсем другой эпохи - Широкая кровать с шарами на металлических спинках, большой шифоньер из дерева, комод, зеркало над ним. А на комоде, на белой салфетке с кружевами по краям, да еще вышитой разноцветными цветами, чего только не стояло. Фарфоровые вазочки с крышечками, такие же фигурки, шкатулка с золочеными змейками. Даже открыть такую шкатулку было страшновато, - какие только драгоценности могли найтись внутри.

Слева на комоде стояла фотография мамы. Ошибиться было невозможно, такой она запомнилась дочери еще в Эльгене, но прическа, платье, нитка жемчуга на точеной шее, подведенные брови, губы, даже взгляд, горящий, не потухший... Вот как жизнь, условия жизни, могут изменить человека. Справа была фотография мужчины среднего возраста. Что подметила Нина Ивановна, так это опять же взгляд, твердый и решительный, такой человек был способен на поступок, только какой.

- Нина, чай готов, - послышался голос Раи, а потом она и сама зашла в комнату.
- Узнала маму?
- Узнала, но там она была совсем не такая...
- Ну, что ты хочешь... Здесь она кто!
- Кто?
- Долгий разговор, расскажу... Я ей жизнью обязана.
- Почему меня за нее приняла? Ты же маму только молодой знала.
- Сама не пойму, вырвалось как-то. Подожди- ка, встань вот сюда, под абажур. - Рая взяла фотографию с комода и поднесла ближе к Нине. - Ну, точно, как тут ошибешься, глаза и взгляд одни.
- Никогда нам с мамой такого в Магадане не говорили.
- Не ошиблась же?
- Нет. А на второй фотографии кто?
- Иван!
- Имя?
- И имя, и кличка. А то, что кличка с именем совпадает, особая заслуга... Вообще он Иван Первушин...
- Первушин?
- А что?
- Мама письма от него хранила.

- Он и ездил к ней, маме твоей. Да только не получилось видимо ничего...
 - Мама замуж вышла, я родилась. Мамины письма здесь есть?
 - Значит прошлое свое перечеркнула, забыть хотела. Писем ее не видела.
 - Никогда о нем не вспоминала... Один взгляд чего стоит!
 - А твой отец жив?
 - Рано умер.
 - В каком году?
 - Вспоминать надо, я тогда в школе училась...
 - Не в тот ли год Иван вас навестил?
 - Ты это к чему?
 - Да, так... Пошли чай пить.
 - Я ведь не просто приехала, - начала уже на кухне Нина Ивановна. - Письмо мне от нотариуса пришло, вроде как здесь наследство от мамы осталось.
 - Подожди, подожди. Как фамилия нотариуса?
 - Вспомнить бы, - Нина Ивановна открыла саквояж и достала папку с бумагами.
 - Вот с этим саквояжем Иван к Вале и поехал, ее это был саквояж, что-то важное с ним связано.
 - Может завешание маме привез? Вот письмо, - Нотариус Уханов сообщает...
 - Уханов? - Перебила Рая.
 - А что?
 - На той неделе убит!
 - Вот те раз, значит напрасно я приехала?
- Может и так.

Смерть нотариуса

Неделя была обычная, рабочая, наконец добрались до пятницы, да еще в начале мая, а тут праздник за праздником. Настроение у сотрудников наступило соответствующее, а тут после обеда генерал вдруг пригласил руководство УВД. Что делать, надо, так надо. Собрались, обстановка была не принужденная, поговорить всегда есть о чем.

И вот, когда по всем признакам близилось завершение, на пульте тревожно замигала кнопка начальника дежурной службы, случалось такое не часто. Значит произошло что-то серьезное. Генерал не стал включать громкую связь и снял трубку. Лицо его посерьезнело, он молча выслушивал доклад и теперь смотрел только на Максимова.

- Справку распечатали? - Вопрос относился к начальнику дежурной службы. - Максиму доложишь... Петр Сергеевич, - генерал положил трубку, - выезжай сам, дело серьезное. Прокуратура уже на месте.

- Есть, Валентин Валерьевич! - Бодро отрапортовал Максимов, вставая, но лицо его говорило об обратном. Дома ждала Даша, и сумки были собраны. Собирались ехать на дачу. Но не успел Максимов выйти из кабинета, у генерала зазвонил городской телефон. Полковник как чувствовал, остановился, а генерал сделал знак рукой, - подожди.

- Да, Николай Иванович, в курсе, доложили. Максимов с опергруппой выезжает. От вас кто будет? Понял... Когда встретимся? Заезжай завтра ко мне на дачу, там и поговорим.

- Слышал, Петр Сергеевич, прокурор области.

- Слышал. От них кто, Долгих?

- Угадал. Доложишь, что там и как.

- Разрешите идти?

- Давай, в курсе держи.

Максимов забежал к себе в кабинет, позвонил Даше и сообщил, что поездка на дачу по крайней мере на сегодня отменяется. Жене Максимова Дарье Ивановне к таким вводным было не привыкать, распаковала сумки и переложила продукты в холодильник.

Оперативная группа уже ждала в машине, когда к Максиму подошел начальник дежурной службы и передал справку, отпечатанную на скорую руку.

По адресу: улица Ленина 162 в нотариальной конторе обнаружен труп Уханова Сергея Лазаревича, нотариуса. Труп обнаружила Константинова Ольга Петровна, помощник Уханова, ориентировочно в шестнадцать тридцать. Признаков насильственной смерти не имеется.

Максимов привычно сунул в поясную кобурку ПСМ, надел плащ и заспешил по коридорам управления.

- Иван, не ушел еще? - По пути Максимов заглянул в один из кабинетов управления уголовного розыска, из под прикрытой двери пробивался свет.

- Собирался уходить, - Иван Сергеевич Иванов (сын Сирого и Насты из Юзино), брат Маши, встал из-за стола, собрал материалы и убрал в сейф.

- Не торопишься?

- Ну...

- Значит нет, поехали на происшествие, - усмехнулся Максимов.

- Серьезное что-то?

- В своей конторе найден мертвым нотариус Уханов.

- Убийство?

- Ничего больше не знаю. Труп обнаружила его помощник и позвонила на ноль два. - Максимов вышел из кабинета, Иван поспешил за Максимовым. - Как на новом месте?

- Осваиваюсь, неделю всего, как начальником отделения назначен.

- Вот за это дело и возьмешься.

- Понял.
- Семейю перевез? Лена (дочь Митяя из Ражино) как, дочка подрастает?
- Жена на работу пока не устроилась...
- Помочь?
- Сами решим. А дочка растет, у Маши на хуторе оставили.
- У Маши? - Удивился Максимов.
- Временно, ей там нравится, да и Маша с Федей рады. Своих детей у них нет.
- Ну, как знаете.

До конторы Уханова доехали быстро. Прокуратура была уже на месте, Дзержинский районный отдел тоже. Контора располагалась в двухкомнатной квартире на первом этаже обычного пятиэтажного дома. Имелся отдельный вход с улицы.

Нотариус сидел в кресле за своим рабочим столом, откинувшись на спинку кресла, голова наклонилась вправо. Левая рука лежала на столе, правая свешивалась вниз. Могло показаться, что человек задремал, сейчас вздрогнет, проснется и откроет глаза. Только температура тела Уханова была близка к окружающей, а по началу очождения судмедэксперт сделал вывод, что смерть наступила вчера вечером.

Ольга Петровна Константинова, помощник Уханова, тихо плакала в приемной. Она обнаружила труп около часа назад, сразу позвонила 02. Рассказала, что нотариус отпустил ее домой вчера около пяти часов вечера и попросил прийти сегодня в это же время. Когда уходила, Уханов еще оставался работать. Перед ним на столе так и находились документы. Однако, когда Константинову попросили посмотреть их, она уверенно заявила, что сегодня это совсем другие.

В углу комнаты имелся небольшой столик и два кресла. На столике стояла недопитая бутылка армянского коньяка с тремя звездочками, две рюмки, предположительно с остатками коньяка. На одной тарелке лежал нарезанный сыр, на второй яблоко, поделенное на несколько частей. В пепельнице оставались несколько окурков. По словам помощника Уханов не курил.

Константинова также подтвердила, что папки с документами стоят в шкафах на своих местах, следов обыска в комнате не имелось. Сейф нотариуса оставался закрытым, ключ от него, обычно вставленный в замочную скважину, отсутствовал. Дверь в контору тоже была закрыта. Ключ от входной двери и от сейфа находились на одном металлическом колечке и не нашлись.

- Уханов болел? Как он вчера себя чувствовал? - Спросил Максимов Константинову.
- Вполне нормально, да и вообще на здоровье не жаловался.
- Он вчера кого-то ждал?
- Ничего не говорил.
- А с какими документами работал?
- Наследственное дело изучал, там сложная ситуация...
- Что за дело? Фигурантов... фамилии не помните?
- С собой принес, они в портфеле у него лежали.
- Портфель нашли? - Спросил Максимов своих.
- Не было портфеля, - ответил Иван, - все осмотрели.
- Значит вам он это дело не показал? - Вопрос опять относился к помощнику.
- Нет. Да и не принято в нашей среде. Есть тайна...
- Ну хорошо, что ничего хорошего, - подытожил Долгих.
- Мне кажется, о насильственной смерти вообще говорить рано, - Максимов пожал плечами, - надо дождаться заключения судебных медиков.
- Все возможно, - прокурорский сотрудник был явно недоволен.

Тогда почему такой шум подняли? - Задался про себя вопросом Максимов, ответа на который не было. - И дело заводить рано, оснований пока нет.

Тайны умершего

Максимов после осмотра места происшествия вернулся в управление поздно и хотел доложить генералу первые результаты. Хотя о каких результатах можно было говорить, если пока не удалось даже установить причину смерти нотариуса Уханова. А тут еще новость от дежурного, начальник управления уже уехал на дачу и оставил указание Максиму, приехать к нему завтра к тринадцати часам.

- Ничего не понял, - полковник положил трубку, - что-то с этим Ухановым не так.

- Петр Сергеевич, - в кабинет заглянул капитан Иванов, - можно домой?

- Торопишься?

- Да не то, чтобы очень...

- Садись, подумаем вместе. Что на сегодня нам известно?

- Причина смерти прежде всего непонятна, только вскрытие покажет. - Капитан устроился напротив рабочего стола Максимова.

- Это само собой. Но портфель на сегодня пропал, и документов по наследственному делу не обнаружено. Вообще не понятно, что это было за дело...

- И были ли, - усмехнулся капитан. Отношения Максимова и Иванова давно перешли за формальные рамки. Полковник знал капитана еще мальчишкой, тогда он был просто деревенским парнишкой Ваней.

- Вот тебе листок, помечай, версии накидаем. Мне завтра к генералу на доклад.

- Так сразу?

- Непростое дело, даже темное... Долгих видел какой?

- Не обратил внимания.

- Ничего, научишься. По отпечаткам пальцев что?

- Пригодных для дактилоскопии двенадцать.

- Эксперты по картотеке пробить не успели конечно.

- Время то сколько прошло! Обещали к утру выдать первые результаты. Но кое что уже есть...

- Та-а-к!

- На бутылке с коньяком и рюмках отпечатков пальцев Уханова нет.

- Уже что-то! Значит коньяк он не пил, а за бутылкой двое сидели?

- Пока только предположение...

- Конечно. Результаты вскрытия тоже только к утру. Самое важное - причина смерти, алкоголь, яд. Генерал дал указание всем службам работать по этому делу в первоочередном порядке. Понял?

- Как не понять. - Ответил капитан. - Только лишняя нервозность помешать может.

- Это не нам с тобой решать. Все же если убийство... Какие могут быть мотивы, как думаешь?

- Самое простое, бытовые...

- Вряд ли. Хотя и эту версию отметить нельзя. Еще?

- Профессиональная деятельность.

- Думаю, это уже более вероятное. Что за сложное наследственное дело? О нем Константинова, помощник нотариуса, обмолвилась.

- Но от нотариуса в таких делах ничего не зависит. Помощник правильно сказала, сведения в завещаниях охраняются законом, не разглашаются посторонним лицам.

- Должны не разглашаться, - поправил Максимов. - Преступники спят и видят, как в эту кухню влезть.

- А что они могут сделать. Стоит дом, квартира...

- А драгоценности в шкатулке! - Усмехнулся Максимов. - То-то и оно. Ищи, свищи потом ветра в поле.

- Только надо знать, где эта шкатулка лежит...

- Хранится, - опять поправил Максимов.

- Но у нотариуса ценные вещи не хранятся.

- Он знает, где и у кого они могут лежать. Вот в чем дело! Ты записываешь?

- А как же!

- И если такой шум по Уханову поднялся, значит действительно речь может идти о больших ценностях. Кстати, он сам нигде не засветился?

- Проверил уже, не проходит.

- Молодец! А что он вообще за человек?

- Возраст, семьдесят один год...

- Приличный, можно и на покой было уйти.

- Продолжал работать.

- Возможно интерес оставался?

- Например, не мог не работать. Он вообще одинокий, женат не был, о родственниках пока ничего не могу сказать...

- Скучал значит без работы. Что ж, и так бывает. Вот мы с тобой будем скучать?

- Я, точно!

- Вот и я, давно пора было дома чай распивать, а мы сидим, голову ломаем... А Уханов этот местный?

- Нет, в Парминск прибыл в сорок шестом, до этого его следы теряются.

- А он случайно не из изменников Родины? Интересно было бы выяснить, где Уханов воевал?

- Если воевал.

- Тогда чем во время войны занимался?

- Не шпион же он какой-нибудь.

- Как версию обозначь. Сейф в конторе надо вскрывать. Паспорт наверное там. Место жительства Уханова установили?

- Прописан в этом же доме по Ленина 162, квартира тридцать семь, третий подъезд, третий этаж. Никто не открывает, ордер на обыск надо.

- В квартире больше никто не прописан?

- Нет, квартира двухкомнатная, штор на окнах не видно. Вид не обжитой.

- Что соседи?

- Ничего. В смысле давно никого не видели.

- Давно, это сколько?

- Точно не помнят. Сосед, дедок из тридцать восьмой, сказал, раньше старушка жила, да умерла. А когда умерла, кто ж знает.

- Там трупа в квартире случайно нет? - Усмехнулся Максимов.

- Вскроем, увидим.

- Хорошо, завтра с прокуратурой решим... Загадочным каким-то этот нотариус получается.

На этом Максимов и Иванов попрощались, разъехались по домам. Дарья Ивановна окончательно разобрала сумки, приготовленные для дачи. Поездка отменялась.

К тринадцати часам Максимов приехал к генералу на дачу. Начальник управления уже ждал полковника и выглядел очень озабоченным.

- По вчерашнему дню что? - Спросил генерал

- Почти ничего, - ответил Максимов, а потом рассказал о результатах, уже известных читателю из разговора с капитаном Ивановым. Только добавил еще два момента. Вскрытие

показало - Уханов умер от внезапной остановки сердца. Патологии организма не выявлено, человек был вполне здоров и видимо следил за своим состоянием. Следов токсичных и ядовитых веществ также не обнаружено. Выявленные в офисе отпечатки пальцев по картотеке не проходили.

- Какие первоочередные мероприятия запланированы? - Спросил генерал.

- Вскрыть сейф, квартиру, в которой прописан Уханов, провести обыск, запросить центральный архив. До сорок шестого года следы Уханова теряются.

- По Ленина 162 с какого времени прописан?

- С 1958 года. С сорок шестого по пятьдесят восьмой год был прописан еще в двух адресах, бараки не сохранились, снесены.

- Нужно соседей разыскать...

- Устанавливаем.

- Понял. Время у нас с тобой, Петр Сергеевич, мало. Кто будет розыскное дело вести?

- Капитан Иванов.

- Работу по делу под личный контроль!

- Есть!

- Внезапная остановка сердца может быть вызвана внешним воздействием?

- Запросим медиков.

- Переговори с профессором Буркановым, он у нас в области главный специалист по сердцу. Я ему позвоню, попрошу помочь. Что по делу можешь сказать... вообще?

- Темный...

- Дело темное?

- Нет, сам Уханов...

- Правильно, - генерал задумался, но ничего и не добавил, лишь приказал. - Докладывать каждый день, понял?

- Есть, товарищ генерал!

Темный, - рассуждал Максимов об Уханове, уезжая от генерала. - Не то, что темный, а кот в мешке. И генерал что-то знает, только так и не сказал... Как по делу работать?

Письмо и обыск

Захватив с собой заключение судмедэкспертизы Максимов на следующий день, а было уже воскресенье, поехал к профессору Бурканову, светилю в области сердечно-сосудистых заболеваний. Ситуацию со смертью нотариуса Уханова надо было как-то прояснить. Воскресенье для Буранова ничего не значило, операции в медицинском центре проводились каждый день. У тяжелых недугов выходных не существовало, поэтому дежурная бригада дежурила постоянно. В воскресенье дежурство как раз выпало профессору, а тут санавиацией из соседнего региона доставили тяжелого.

- Генерал мне звонил, - подтвердил Бурканов, встретив полковника, - но тут такое дело...

- Понимаю, подожду, - согласился Максимов. Медицинский центр находился за городом, поэтому возвращаться, а потом приезжать снова, смысла не было.

- Располагайтесь в приемной, правда секретаря сегодня нет. Вот чайник, чай, кофе... Справитесь? Хозяйничайте. Только пресса у нас специфичная, на медицинские темы.

- Спасибо! - Поблагодарил Максимов.

- Я скоро, думаю за час, полтора управимся. - Профессор заторопился и убежал, минуты, даже секунды могли решать многое.

Максимов походил по приемной, постоял у чайного столика, но до чая дело не дошло. Полковник удобно пристроился в уголке большого кожаного дивана и тут же задремал. Сказывалось напряжение последних дней. Отдыхал в пол уха, прислушивался к шагам в коридоре, тут же открывал глаза, когда в дверь заглядывали. Мог бы и ответить, где профессор, до конца не просыпаясь.

- Ну, вот и я, - голос Бурканова прозвучал все же неожиданно, казалось и часа не прошло.

- Задремал немного, - полковник встал и потряс головой.

- Ваша работа наверное понапряженнее нашей.

- Да как тут определишь, по разному бывает... Проконсультироваться у вас хотел, смерть довольно странная, видимых повреждений нет, вот заключение эксперта.

- Да, согласен, - Бурканов внимательно прочитал документ и добавил. - Пописал Гнездилов, пересекались в прошлом, хороший специалист. Не знаю, что и добавить...

- Вопрос вот какой. В заключении, оно ляжет в материалы дела, изложено все четко, без допусков. Так и должно быть. Может человек испугаться... увидеть кого-то, что-то страшное, услышать неприятное, может угрозы...

- И поэтому сердце неожиданно остановится. - Продолжил Бурканов.

- Ну да.

- Правда ваш подопечный, - профессор еще заглянул в заключение, - человек в возрасте, семьдесят один год...

- Возраст может усугубить...

- Как раз наоборот. Если сердце, вся система работает нормально, в таком возрасте внезапной остановки не случается, опять же замечу, как правило. Этот ваш Уханов наблюдался в лечебном учреждении, карточка, история болезни имеется?

- Пока не знаем, произошло все позавчера. Как сидел в кабинете, так и остался...

- Понятно... Тут учитывать вот что надо. Сердце у человека не само сокращается и кровь прокачивает. Сигналы на сокращение сердечной мышцы из головы поступают, впрочем как и ко всем прочим органам. А голова...

- Дело темное. Так?

- В первом приближении. Если сердце остановилось, значит сигналы на его сокращение перестали поступать. А почему они перестали... Внешнее воздействие исключать нельзя. И тут мне позвольте пофантазировать, в область вашей компетенции вмешаться... Если чело-

век, например, испытывает испуг, то наверняка совершит какое-то движение, по крайней мере попытается... Может из-за стола встать. А вы говорите, как уснул?

- Да, глаза закрыты, одна рука свешивается...

- Под собственным весом со стола упала. Так?

- Наверняка. А гипноз например?

- Вокруг гипнотизеров, можно и так их назвать, существует много разных слухов. Но подобных случаев официально не зафиксировано. Есть еще вопросы?

- Да пожалуй и нет. - Максимов не знал, о чем еще можно спросить. - Извините за беспокойство.

- Буду рад помочь, обращайтесь. - Бурканов поднялся из-за стола и протянул руку. А потом вдруг хитро улыбнулся и добавил. - Про голову опять же... Фильм Формула любви видели?

- Смотрел, - Максимов пожал протянутую руку. - Вы про тот момент, когда доктор о голове больного говорил? Что голова дело темное, а сердце стучит?

- И про тот момент, когда граф Калиостро свое сердце останавливает.

- Так это же кино! - Засмеялся Максимов.

- Как сказать, - неопределенно ответил профессор.

На этом встреча полковника и Бурканова закончилась, и нельзя было сказать, что безрезультатно.

Капитан Иванов время зря тоже не терял. Получил у следователя прокуратуры Долгих постановление о выемке почтовой корреспонденции, поступившей за последние два месяца в контору Уханова. Конечно на почте писем не имелось, но те, что пришли как заказные, оставили свой след. Исходящую почту тоже нужно было отследить. Становилось понятным, с кем велась переписка.

Константинова, помощник Уханова, охотно согласилась помочь органам в этом вопросе. Надо сказать, журналы входящей и исходящей корреспонденции, она вела аккуратно. Расхождений данных с почтой не обнаружилось.

- Ольга Петровна, вы говорили, что Сергей Лазаревич занимался сложным наследственным делом? - Спросил Иванов. - Какая-то переписка по делу велась?

- Примерно месяц назад я отправила письмо в Магадан. Имущество принадлежало Валентине Федоровне Колывановой. В связи с ее смертью право наследования получила ее дочь.

- А установочные данные дочери?

- Нина Ивановна Потапова, и адрес Магаданский вот здесь, дата отправления. Только то ли это дело, которое тогда у Сергея Лазаревича на столе лежало, я не знаю.

- Письмо вы составляли?

- Я, но черновика не сохранилось. Там шла речь о наследстве по завещанию.

- Ответа на письмо не поступило?

- Пока нет.

- И все же по этому делу. Почему вы думаете, что оно сложное?

- Девичья фамилия матери, Колыванова, у ее дочери Потапова. И завещание оформлено на будущих детей, еще не рожденных. Обстоятельства подлежали изучению.

- Да, странно... Конкретное имущество в письме указывалось?

- Нет, что вы... Говорилось о банковской ячейке и только.

- А в каком банке?

- Само завещание я не видела, Сергей Лазаревич не показывал.

- Он его в сейфе держал?

- Не знаю, говорю же, не видела этого завещания.

- Может в портфеле держал?

- Не думаю, такого раньше не практиковалось.

- Ну хорошо. Поступающая корреспонденция пока будет оставаться на почте, вот постановление следователя прокуратуры. Я буду сам ее просматривать. И ваша контора будет опечатана.

- А мне что теперь делать?

- Вы проходите как свидетель, оставайтесь в городе...

- Это что, подписка о невыезде?

- Пока просьба. Следствию не отказываетесь помочь?

- Нет конечно!

- Вот и хорошо.

Так прошло воскресенье. А в понедельник пошли делать обыск в квартире тридцать семь в доме, где размещалась контора Уханова. В квартире был прописан Уханов. Ключей от квартиры не имелось, но дверь вскрыли профессионально, замок не сломали. И каково было удивление, когда обнаружили совершенно пустые две комнаты. Лишь на середине кухни стоял стул, прибитый к полу. На грязной газовой плите с двумя конфорками и духовкой краники оказались открытыми, как и дверка духовки. Но газом не пахло, кран на трубе был перекрыт.

Тайны за высоким забором

По квартире за номером тридцать семь походили, посмеялись закрыли и опечатали. Никаких материалов для дела о таинственной смерти нотариуса Уханова не нашли. Как показал опрос жильцов подъезда, квартира много лет пустовала, и никакого дела до нее соседям не было. Не любили жильцы совать нос в чужие дела, что встречалось не часто.

Вызвали газовиков, те вообще отсоединили плиту, а в подводящую газовую трубу закрутили заглушку. Мало ли что, на всякий случай. Максимов вышел из квартиры последним, что-то в этом месте было не так, но хватало других, более важных задач, а квартира могла пока и так постоять. Пошутили конечно про стул на кухне, прибитый к полу. Но кто-то данное обстоятельство объяснил вполне разумно. - Лампочку меняли, она как раз над стулом. А чтобы со стула не свалиться, хлипкий очень, взяли, да прибили.

Слесарь ЖЭКа как открыл замок двери в квартире, никому не показывая своих секретов, так и закрыл. Замок остался целым. Максимов конечно обратил на это внимание и дал знак Ивану, мол, поработай с человеком, пригодиться может. Капитан понимающе кивнул головой.

Открыть сейф в конторе Уханова оказалось гораздо сложнее. Сейф оказался старым, засыпным, со сложной системой замков. Поэтому его решили вывезти в гараж УВД, где и вскрыть. Для этого могли понадобиться специальные инструменты. Действительно, в результате пришлось применять сварочник и болгарку. Быть может и получилось бы открыть сейф культурно, но время не позволяло, а специалистов быстро не нашли. Капитан Иванов был тут же, и когда, как казалось, дверь сейфа можно было открыть, остановил слесарей.

- Давайте привяжем веревку к ручке и потянем. Как бы там ловушки не было. - Предложил капитан. О таких случаях рассказывали в школе милиции.

Присутствующие конечно посмеялись, но решили не рисковать. Сейф стоял в отдельном гаражном боксе, и за привязанную веревку решили потянуть снаружи, прикрыв ворота. Бахнуло здорово, не столько громко, как действенно. Даже створка гаража ударила слесаря, тянувшего за веревку, тот упал, хорошо, что отделался шишкой. Из гаража повалил дым, запахло серой. Ворота открыли, пришлось ждать пока дым рассеется. Дверцу сейфа сорвало с петель, она отлетела в сторону, а содержимое сейфа догорало. Остались какие-то клочки бумаги, корочки папок, они были потолще, вот и все. Если, что и лежало интересного для следствия, то было уничтожено.

Об этом происшествии конечно доложили генералу, говорили, предвидеть надо было, саперов вызвать. Да только как такое можно предвидеть, да и не застрахуешься от всего на свете. Максимов за своих конечно вступился, наоборот повернул, наградить ребят надо за проявленную инициативу и смекалку. Наградить, конечно не наградили, но и не наказали, все хорошо.

Тем временем Максимов озадачился еще одним важным вопросом, - А где все же на самом деле проживал нотариус Уханов?

Для выяснение этого вопроса полковник встретился с его помощником, Константиновой. Удалось узнать, что Сергей Лазаревич приезжал на работу на черной Волге газ 24, управлял машиной сам. Ольга Петровна конечно номер не вспомнила, тут надо было подключать ГАИ. Но один раз женщине удалось проехать с Ухановым почти до его места жительства. Нотариус передал помощнику документы, оставшиеся у него дома, и в контору в тот день больше не вернулся. Поэтому Ольге Петровне пришлось возвращаться в контору на общественном транспорте.

- В какой район вы ездили? - Спросил Максимов.

- В Заречье. Да, по пути еще в магазин заезжали, - вспоминала Кожевникова, - в продуктовый.

- Там же только частный сектор, - сначала удивился Максимов. - Он что, в своем доме жил?

- К дому он не подъезжал, в переулке остановился. Я у машины минут десять стояла, его ждала. Потом вернулся и папку с документами мне отдал. Но многоквартирных домов там нет. Это же Парминская Рублевка, так кажется район называют.

- Ну, да. А в пятницу, в ту последнюю, Уханов на машине приехал? Вернее, когда вы вечером приехали, Волга стояла у конторы?

- Нет, не было. Я еще подумала, может приехала напрасно, нет Сергея Лазаревича. Подумала, может опаздывает, решила все же в конторе подождать, работа у меня была... А там вот какое дело... - Ольга Петровна опять всхлипнула и принялась платочком глаза промокать. - Извините меня, никак успокоиться не могу...

- Ничего. - Максимов налил женщине воды. - А раньше бывало так, что он вас просил вечером подойти?

- По разному бывало, от клиентов все зависело. Как-то и полночи работала, документы печатала, да еще и посетителей приходилось чаем поить... Когда работа срочная, что день, что ночь, разницы нет.

- Не предполагаете, кто в пятницу в контору мог приходить?

- Нет. Думаю, новые клиенты. А меня вызвал документы готовить. Я и пришла с расчетом на ночь... Да вот как...

- Вы давно с Ухановым работали?

- Да и не вспомнить, посчитать надо... лет двадцать точно.

- Не знаете, кто до вас был?

- Нет. Сложно пришлось в дела вникать, работы много, а объяснить некому.

- Сергей Лазаревич не помогал?

- С тем условием и взял, все сама должна... ночами сидела, домой работу брала.

- Платили хорошо?

- Не жаловалась...

- Понятно. Значит, в пятницу все как обычно должно было получиться?

- Ну, да.

- Ольга Петровна, а можем мы с вами проехать до того места на Рублевке, где вы Уханова ждали?

- Почему нет, только...

- Не беспокойтесь, обратно вас доставят, куда скажете.

До капитана Иванова Максимов не дозвонился, на месте не оказалось. Поэтому вызвал служебную машину и поехал с Ольгой Петровной один.

- Нам бы где-то подальше остановиться, - предложила Константинова, а там лучше пешком...

- Правильно, так и поступим. Место хорошо помните?

- На память пока не жалею... Вот тут, недалеко осталось.

Водитель остановился, машина была самая обычная, Победа зеленого цвета.

- Сереж, поскучай пока, а мы немного прогуляемся, - попросил Максимов, надвинув пониже шляпу.

От места остановки до переулка, где Ольга Петровна когда-то ждала Уханова, оказалось недалеко, два квартала. Кварталы были не большими, не как в городе, поэтому прошли их быстро.

- Вот тут Сергей Лазаревич остановился, - показала женщина.

- А пошел куда?

- По третьей линии налево, дальше я не видела.

- И не было его минут десять?

- Примерно, далеко он не ходил.
- Хорошо, давайте я вас до машины провожу.
- А вы как же, Петр Сергеевич?
- Водитель за мной вернется.

Ольга Петровна уехала, а Максимов пошел обратно, дошел до переуллка, в котором останавливался Уханов, потом повернул на третью линию и остановился. Уж очень знакомым показалось полковнику это место. Не сразу, но Максимов все же вспомнил, давнее дело о царских бриллиантах ([ЗДЕСЬ](#)). Тогда его, старшего лейтенанта, внедрили в банду, и именно в это место он привозил девочек для богатых клиентов.

Вот и кирпичный забор, тот самый, - узнал полковник, - калитка теперь другая. Неужели Уханов здесь обитает?

Провал оперативного мероприятия

Так называемая Парминская Рублевка хотя и входила в состав областного центра на правах одного из районов города, но располагалась на другой стороне реки, вдоль которой и протянулся Парминск. Поэтому представляла из себя отдельный поселок, состоящий из домов только частного сектора. Проживали здесь и коренные жители в маленьких домиках. Однако большую часть территории уже занимали вполне респектабельные особняки, которые почему-то называли коттеджами.

Максимов узнал кирпичный забор, калитку, в которую заходили девочки, даже нашел на противоположной стороне улицы место, где ждал их на Победе. И вроде с тех пор ничего не изменилось, хотя и отделяло от тех событий лет двадцать. - Как вчера было, - подумал полковник, - я тогда только старшего лейтенанта получил. Время летит... Так ведь и осталось невыясненным, кто пользовался услугами проституток, а случайных людей в этом поселке не живет. Да и не надо никому было разбираться, впрочем, как и сейчас. Криминал есть только в оказании услуг. А с потребителя какой спрос? Никакого.

- А собственно, что я прицепился к этому кирпичному забору? Мне надо найти, куда Уханов приезжал. По показаниям помощника, здесь он должен жить, только не факт, что именно в этом доме. Забор высокий, калитка тоже, да еще сплошная, как дверца у сейфа. Справа соседский забор, такой же высоты, только кирпич не красный, а желтый. Что-то не договорились вы, господа друг с другом... Или вам наплевать, как ваши заборы с улицы смотрятся. Слева... А вот слева похоже вариант наклеивается.

К этому времени стемнело, Максимов прошел по противоположной стороне улицы в тени деревьев, оставался невидимым, и остановился напротив забора слева. В этом месте улицу освещал фонарь. - Строить начали, да похоже у кого-то жила золотая пересохла, а может отъехали в теплые края. Хотя по вам похоже до сих пор более отдаленные скучают. - Настроение в этот вечер у полковника было боевое, быть может через чур.

Забор слева остался недостроенным, был разной высоты. Когда-то его даже накрыли толью, прижав ее кирпичами. Однако толь осталась не везде, видимо стройку забросили давно. Перелезть забор не пришлось. Проем в заборе, оставленный для калитки, был прикрыт временным деревянным притвором, который болтался на петлях и скрипел, покачиваясь на ветру.

Максимов проверил улицу, в такое позднее время жители из домов не выходили, тем более из особняков, перебежал на противоположную сторону и заглянул за калитку. Участок давно зарос. Сосны поднимались высоко, были в поселке всегда, а между ними пространство затянуло акацией. За деревьями виднелся недостроенный двухэтажный особняк без крыши. К нему и пошел полковник вдоль кирпичного забора, возведенного вокруг жилого особняка, находящегося справа. Даже между участками забор достигал метров трех.

- Как в крепости живут. - Усмехнулся Максимов, - круговую оборону заняли. А может сами себя в тюрьму заточили. И надо так от людей отгораживаться? Значит есть, что прятать.

Оказавшись у недостроенного особняка, полковник смог увидеть только крышу дома, находящегося на участке справа. Никаких звуков оттуда не доносилось. - Может там и нет никого. - Подумал Максимов.

Недострой был кирпичной коробкой, но лестница на второй этаж была уже заложена в конструкцию. По ней полковник и поднялся на верх. Отсюда можно было разглядеть соседний дом и дальнюю от забора часть участка. Вот только въезд от ворот и площадка для машин остались под стеной. - Эх, жаль! - Подумал Максимов. - Не видно, какие машины стоят. Может и двадцать четверка Уханова там?!

Зато окна на втором этаже светились, значит люди тут жили. Только шторы были занавешены, что происходит внутри не разглядеть. Постоял так полковник, постоял, и решил спускаться вниз, - все равно ничего не увидишь, только время зря терять. Надо по другому как-то.

И вот когда Максимов направился к лестнице, чтобы спуститься на первый этаж, то споткнулся, да так, что чуть не упал и наделал грохота в темноте. На некоторое время замер, и только убедившись, что вокруг по прежнему тихо, нащупал на полу доску и понял, что наткнулся на лестницу, сколоченную из горбыля видимо еще строителями.

- Вот повезло-то! - Обрадовался полковник, подхватил временку и осторожно спустился вниз. Затем приставил лестницу к забору между участками, поднялся по ней и заглянул к соседям. Действительно, площадка для машин внутри была, но черной двадцать четверки не оказалось. Там стояла совсем другая машина, иномарка, как их стали называть.

- Вот те раз! - удивился Максимов. - Видел я эту машину, мелькает она на улицах.

И тут с соседнего участка раздалось сначала грозное рычание, а затем и лай! Полковник чуть ли не скатился вниз по самодельной, хлипкой лестнице, зацепился за нее пальто и дернул за полу. Драп конечно порвался, но и лестница упала, наделав шуму.

- Все, не спалиться бы! - Максимов бросился на улицу, побежал, прячась в тени деревьев.

В доме хлопнула дверь, слышались шаги, потом открылась калитка на улицу.

- Стой, стрелять буду! - Прозвучал вдогонку громкий мужской окрик. А потом и выстрел грохнул.

- Бима спускай! - Подхватила женщина.

- Будет с него, - ответил смеясь мужчина, - и так наверное в штаны наложил.

Полковник конечно далеко не побежал, притаился за деревьями. От собаки все равно не скроешься. Дождался, когда хозяева закрыли калитку и ушли, потом сделал круг и вернулся к поджидавшей его машине.

- Домой? - Спросил водитель.

- В управление!

Дорогой Максимов хотел закурить, сунул руку в карман пальто и чуть не сплюнул. Кармана и части полы не было.

А что у меня кроме сигарет в кармане было? - задумался полковник.

Пистолет

Беспокойство у Максимова не только не проходило, а даже нарастало по мере приближения к УВД. В какой-то момент полковник смирился и хотел лишь одного, определенности, пусть любой. Так все же было бы легче.

Рабочий день в управлении давно закончился, но часть окон все равно светилась. Дела, которые нельзя отложить на следующий день, не отпускали сотрудников. Максимов чуть ли не бегом поднялся на третий этаж, быстрым шагом прошел по коридору, открыл дверь своего кабинета и включил свет.

- Так и есть! - Шляпа полетела в угол, и полковник рухнул на один из стульев для посетителей. Взгляд его был прикован к своему рабочему столу, на котором в гордом одиночестве лежала коробка Казбека. - Значит у забора выпала коробка генеральских папирос! Все же ее сунул в карман, торопился.

Дело в том, что начальник управления курил особенные папиросы, которых купить было невозможно. Курил их редко, а одну коробку даже подарил Максиму, вроде как за раскрытие очередного сложного дела. Папиросы были очень приметными, и ладно бы потерять их где-нибудь на улице и в районе попроще, но только не в Парминский Рублевке.

Там знали цену редкой коробки и представляли, кто может курить редкие папиросы. Тем более в особняке за высоким кирпичным забором наверняка жил не простой человек, а кто-нибудь из областных руководителей. Он и тревогу поднял, даже стрелял. - Интересно, по мне или в воздух? - Подумал Максимов. - Хотели еще и собаку спустить. Тогда бы и мне пришлось стрелять... Чушь какая-то. Завтра генералу придется докладывать, наверняка шум поднимется. Хотя... как повезет. - И тут полковник услышал, вернее понял, что на столе разбивается городской телефон, причем давно.

- Слушаю, Максимов, - полковник снял трубку.
- Максимов, ты домой собираешься? - Звонила жена, Дарья Ивановна.
- Уже одетый стою, на выходе меня поймала.
- Что голос такой?
- Да... неприятности.
- Не первые и не последние... Бегом, ужин на плите. Полчаса тебе!
- Слушаюсь! - Отрапортовал Максимов, на душе как-то сразу полегчало.

На следующий день полковник с утра уже стоял в приемной у генерала. Выполнял указание, каждый день докладывал по делу Уханова, соответственно и о вчерашнем происшествии следовало рассказать..

- Петр Сергеевич, генерал о вас уже спрашивал, - сообщила секретарь. - Просил подождать, подъезжает.

- Настроение как?

- С утра в облисполком заезжал. Настроение как всегда, рабочее. Какое еще у начальника может быть настроение.

- Это я так. - Максимов сразу связал заезд в облисполком со вчерашним происшествием и подумал. - Значит не пронесло.

- Заходи! - Генерал ворвался в приемную как вихрь и пронесся мимо полковника. - Два чая, - просьба уже относилась к секретарю.

- Ну, раз чай, значит не все плохо, - понял Максимов.

Генерал повесил форменное пальто в шкаф, открыл портфель и достал ту самую коробку папирос, потерянную полковником. - Твои, то есть мои?

- Наверное, - Максимов пожал плечами. - Нашли все-таки... Разрешите доложить?

- Только кратко, без демагогии. Что в Рублевке делал?

- Работаем по делу Уханова. Свидетель Константинова дала показания. Выезжал с ней к предполагаемому месту жительства нотариуса...

- У дома Попова как оказался?

- Точно адрес Константинова не знает. Уханов к самому дому ее не подвозил. Сходил за документами, отсутствовал минут десять. В этом радиусе один приличный дом, рядом недостроенный, остальные еще старой постройки...

- Почему Константинова решила, что Уханов за документами домой заходил?

- По дороге в магазин за продуктами заехали...

- На любой вопрос у тебя ответ готов, - усмехнулся генерал. - Может он в гости пошел.

- Продукты не для гостей были...

- Например?

- Курица сырая.

- Ну, допустим. Что ты там обнаружил?

- Надо немного издалека...

- Давай!

И Максимов коротко рассказал о царских бриллиантах, своем внедрении в банду, о том, как возил к этому дому девочек, сразу двоих. Генерал уточнил год проведения операции, тогда в Парминске УВД руководил другой человек, и неопределенно покачал головой.

- Волга ухановская там?

- Нет, только иномарка стояла.

- Попова?

- Другой такой в городе нет.

- Хорошо, что ничего хорошего. - Генерал нажал кнопку секретаря. - А чай где?

- Тут народ, Валентин Валерьевич, - секретарь решила проявить инициативу.

- Через полчаса освобожусь! - Начальник начал заводится. - Чай!

Посидели молча, дождались чая, и только тогда генерал продолжил.

- Не хотел этой темы касаться, да видимо придется... Понял наверное?

- Тогда, на даче.

- Да, что тут не понять... А вообще Уханов по оперативной информации проходил?

- Редко. Нотариус он грамотный, язык за зубами держать умеет. По нескольким уголовным делам проходил в качестве свидетеля. Криминалитет, не вся шушера конечно, люди авторитетные, пользовались его услугами...

- Вот и Попов через Уханова дела проворачивал.

- Проворачивал?

- Слухи, доказательств никаких, да и кто такими персонами всерьез заниматься станет.

- А как же старший брат?

- Старшие братья похоже занимаются, только у них все долго, обстоятельно. И кто для них какой-то нотариус? Никто.

- Если это и убийство, на нас будет висеть. Долгих особой инициативы тоже не проявляет.

- Прокурор осторожно себя ведет. Кто знает, может ниточки в столицу тянутся. Потапова не появилась?

- А как мы узнаем, здесь она, нет. Может вообще не поехала. Живет в Магадане и никуда не собирается.

- Где же все-таки Уханов жил? Курица, курицей, но что ему у Попова делать? Не те это люди, чтобы к себе пускать. понимаешь?

- Логично конечно. Я с этой публикой постольку, поскольку...

- Публикой... вот именно публикой. Волга Уханова куда делась?

- Черная двадцать четверка могла на юга уйти, там такие машины в цене. ГАИ пока молчат.

- Бурканов что сказал?
 - Фильм Формула любви в качестве примера привел.
 - Это про то, что голова... - усмехнулся генерал.- А серьезно?
 - Официально случаев внешнего воздействия, связанных с внезапной остановкой сердца, не зафиксировано.
 - А неофициальных?
 - Смотри пункт первый, - теперь усмехнулся Максимов, - фильм Формула любви.
 - Закрывать это дело надо.
 - Прокуратура должна отказной материал подготовить, тогда и мы свое оперативное дело закроем. Может мне с Долгих переговорить?
 - Торопиться не будем. Бывают случаи, когда инициатива наказуема. Проверку продолжай. Там ведь еще есть чем заняться?
 - Наследственное дело мне покоя не дает.
 - А что с ним?
 - Да такое чувство, все вокруг него крутится.
 - Значит было, что наследовать?
 - Наверное.
 - Потапова, кто она такая?
 - Запросили Магадан. Со дня на день документы должны прийти. Колывановой капитан Иванов занялся. Осуждена здесь в Парминске, наказание отбывала в Магаданской области. Она и завещала свое имущество еще нерожденным детям.
 - Случай интересный.
 - Тоже так думаю. Вопрос можно?
 - Давай.
 - Попов вчера стрелял. Он вам по этому поводу ничего не говорил?
 - В тебя?!
 - Не знаю, может просто в воздух. Но вообще-то выстрел пистолетный... Незаконное хранение и применение оружия.
 - Подумаю, как тут быть. Созвонюсь со старшим братом, тут их компетенция... Или ты рапорт хочешь написать?
 - Да не то, чтобы очень...
 - Папиросы заberi.
- И папирос ответ касается. Лучше Казбек буду курить, безопаснее.

Поиск стреляной гильзы

От начальника УВД полковник Максимов вышел вроде бы и в приподнятом настроении, напряжение последних суток спало. Но противоречивые чувства все равно не давали покоя. Гроза пронеслась мимо, не зацепила холодным проливным дождем, можно было работать по делу дальше в части касающейся. В том-то и причина, только в части касающейся.

- Как-то Попов и Уханов должны быть связаны. А вдруг Попов на наследство Колывановой глаз положил? - Продолжал рассуждать полковник. - Тогда что это за наследство? Не станет Попов, человек при большой должности, да и, мягко говоря, не бедный, рисковать по мелочи. Генерала вызвал. Засветился конечно наш начальник со своими редкими папиросами. А я, дурак, его подставил, торопился, не ту пачку в карман сунул. И что Попов мог подумать? Начальник УВД слежку за ним устроил, да еще послал растяпу, подарил тому, то есть мне, редкие папиросы в знак доверия. Так, как-то, но лишь в первом приближении...

- Какой уж там разговор между Поповым и генералом произошел... никогда не узнаешь. Наверное должен был генерал объяснить появление своего опера. Молодец, не стал на меня стрелки переводить, а вообще мог... Хотя Попов может и не в претензии, а наоборот испугался. Он еще и стрелял. - Максимов улыбнулся. - Я мог и в ответ шмальнуть. Точно не до смеха сейчас было бы. - И вдруг пришла еще одна мысль. - Гильзу надо поискать. Попов выскочил на улицу, стрелял недалеко от калитки, там она должна лежать. Вряд ли Попов, человек не военный, сообразит, что нехорошо гильзу оставлять, в свою безнаказанность из-за высокого положения верит. А пистолет у него по любому незаконный.

В этот момент Максимов проходил мимо кабинета капитана Иванова и заглянул. Парень обложился папками, но явно скучал.

- Ну что Колыванова? - Спросил полковник. - Разобрался?

- Да как-то мутно все...

- Пошли ко мне, расскажешь, что накопал.

Однако разговор о Колывановой в тот день так и не получился. Максимов решил сначала поделиться с Иваном вчерашними событиями. Рассказал без утайки, все как было, даже про редкие папиросы, Попова и реакцию генерала. Ивану Максимов доверял как самому себе, даже больше, огонь и воду вместе прошли, медных труб так и не дождались.

- Гильзу надо поискать, - тут же предложил Иван. - Сдается мне, и до этого самого Попова очередь дойдет. Не мы, так смежники из другого ведомства рано или поздно до него достанут. Тогда с ними информацией поделимся, тем более работаем в рамках оперативных материалов вполне законно.

- Гильза что, - поддержал Максимов. - Там бы место подыскать, да закрытый пост организовать.

- Так я сегодня сбегаю на разведку?

- Давай. Бывал в том районе?

- На месте разберусь, не заблужусь.

- В недостроенный дом не лезь.

- Понял! - Капитан тут же загорелся новым поручением, не бумажной волокитой, как считал. А напротив через улицу что?

- Развалюшки брошенные.

- Там и надо местечко найти.

- И запомни, работаем по убийству Уханова, Попов тут не причем!

- Само собой. кирпичный забор по всему периметру?

- С двух сторон точно есть.

- Обойду с тыла, вдруг, что интересное увижу.

- Оденься попроще. - Вдогонку посоветовал Максимов и добавил. - А я пока генерала предупрежу. - Хотя как генерал отнесется к такой инициативе, прогнозировать было трудно.

Иван забежал домой переодеться и застал жену.

- Ты чего? - Спросила Лена.

- Соскучился, - ответил Иван, и трудно было понять, правду говорит или шутит.

- Нагорит тебе от Максимова! - Лена конечно обрадовалась неожиданному появлению мужа.

- Времени у меня только мало, как получится.

- Может до вечера отложим?

- Ну уж нет...

Разговор продолжился после.

- А ты что так одеваешься? - Спросила Лена. - Не в управление разве?

- Есть тут небольшое дельце, - Иван надел старые брюки, штопанный свитер и вместо пальто выдавшую разное телогрейку, шапка была не лучше. Удостоверение и пистолет спрятал подальше.

- Не опасное? - Забеспокоилась жена.

- Нет, что ты, - поспешил успокоить Иван.

- Ты с Максимовым? - В полковнике заключалась некая гарантия безопасности.

- Конечно, как без него, - слукавил Иван, голос его немного дрогнул.

- Смотри у меня, осторожней! - Напутствовала Лена, целуя мужа.

До так называемой Рублевки капитан доехал на автобусе, но вышел не на конечной остановке, а раньше, на предыдущей, купил в ларьке бутылку пива и пошел по поселку, чтобы приноровиться к этому весьма противоречивому району, где достаток, даже богатство, соседствовали с бедностью, чуть ли не крайней. В развалюшках доживали свой век в основном пенсионеры, которым и податься было некуда. Когда какой-то из домиков пустел, то участок переходил в руки состоятельных или власть имущих людей, старая постройка сносилась и на ее месте быстро возникал особняк.

Напротив особняка Попова как раз и оставались покосившиеся строения. Дело шло уже к вечеру, и слабый свет теплился только в одном единственном помутневшем окне. Забор особняка Попова конечно поражал воображение не только высотой, но и крепостной мощью. - Из этого кирпича можно не один дом построить и расселить бедняков, - подумал Иван.

В бутылке у капитана еще оставалось пиво, и допить остатки Иван решил под кирпичной стеной, как раз у закрытой калитки, как уже говорилось, больше напоминающей бронированную дверь сейфа. На третьей линии никого не было, капитан остановился и прикладываясь к бутылке, немного походил рядом в надежде все же найти гильзу. - Отсюда должны были стрелять, Максимов говорил, калитка открылась и тут же последовал выстрел.

Пиво быстро закончилось, стоять на месте причин больше не было, Иван пошел дальше по улице и перешел на противоположную сторону. - А зайду-ка я в дом, где окно светится! Как раз напротив калитки и ворот. Может удастся с хозяевами переговорить.

Как такового забора у развалюшки не было, когда-то существовал штакетник, но давно упал и догнивал на земле. Два столбика и открытая низенькая калитка, упершаяся в землю, еще чудом держались, и к дому вела еле заметная тропинка через давно заросший палисадник. Капитан прошел к двери в сени и постучал, но никакого движения в доме не последовало. Хлипкая дверь подалась, оказалась не закрытой, и просевшие доски пола жалобно закрипели.

- Есть кто? - Иван открыл низкую дверь в дом и нагнувшись вошел.

Комната оказалась обжитой, с потолка на проводе свешивался патрон со слабой лампочкой.

Руки подними! - Прозвучал сзади спокойный голос, шелкнул курок, и в шею уперся холодный металл. Голос был уверенным, а ствол пистолета в такой ситуации трудно было не узнать.

Короткая дружба майора и капитана

- Испугался? - Спросил Илья, новый знакомый Ивана.

- Да не то что... неприятно как-то... - ответил капитан, пытающийся разобраться в своих чувствах.

- Извини, не мог по другому.

- Я бы также поступил, - усмехнулся Иван. - Хорошо, что представился, а то...

- Что бы сделал? - С интересом спросил Илья.

- Давай, покажу.

Капитан встал спиной к майору из смежного ведомства, называемого в оперской среде старшим братом, и поднял руки.

- Заметь, как руки!

- Понял, локти ниже плеч.

- И как рычаг получается.

- Ну да, вроде буква "г".

- У нас кочергой называют. Давай пистолет.

И только Илья приставил ствол пистолета к голове капитана, как последовало ускользающее, неуловимое движение, описать словами которое сложно. Но все же - левая нога чуть подогнулась, сложившись в колене, тело тоже начало разворачиваться в лево вокруг нее, и голова соскальзывает с упирающегося в затылок ствола. Левая рука Ивана ударяет предплечьем по руке Ильи, держащей пистолет, еще больше отводя ствол в сторону. Подлетает правая рука, и кисть Ильи с оружием оказывается заблокированной. Нажим на кисть с тыльной стороны большими пальцами, она разжимается, и пистолет переходит Ивану.

- Здорово! - Заметил Илья, потирая кисть.

- Держи, - Иван отдал ПМ. - А вас что, не учат?

- Учат, как не учат, только я больше за столом с ручкой воюю.

- Понятно, у нас, сыскарей, по-другому, волка ноги кормят. Того и гляди, из подворотни что-нибудь прилетит.

- Контингент у вас совсем другой.

- Это так. Ваш все больше в глаженных костюмчиках, белых рубашках, галстуках. В кабинетах сидят.

- Так оно... А вы кого здесь пасете?

- Никого, тут другое дело... - Капитан пересказал ситуацию с Ухановым, его непонятной смертью и запутанным наследственным делом. - Похоже он в этот особняк приезжал к Попову.

- И не раз, - подтвердил Илья. - Наш клиент тоже его услугами пользовался, не брезговал. Уханов вроде как с криминалом связан?

- Трудно что-то определенное сказать... Не думай, скрывать тут нечего. Нет на этого нотариуса толком информации, не попадал в поле зрения.

- Установили, в Парминск он в сорок шестом году прибыл.

- Тоже знаем. Вот как он воевал?

- Запросили центральный архив, пока ничего.

- Тут вот какое дело... Шеф мой по наводке на Уханова к этому особняку пришел. Кто в нем живет, мы и не знали...

- Это не вчера? А то шуму было, - усмехнулся Илья.

- Вчера, - подтвердил Иван. - Попов шмальнул...

- А кто твой шеф?

- Начальник угро, Максимов.

- Знаем, толковый вроде...

- Кто же такого мог ожидать, - вступился за начальника Иван.
- Да я не в претензии, не первый раз Попов шмаляет.
- Даже так... Гильзу хотел найти, пригодиться может.
- Держи, - Илья достал из кармана гильзу от ТТ.
- А ты как же?
- Это ваша, вчерашняя, у нас еще три есть. Кстати для информации, Попов не в воздух стрелял.

- По Максимову?!

- В догонку. А до этого в кого?

- Кураж словит, выйдет из калитки и стреляет...

- Значит не по людям, в воздух.

- Не по людям, но вдоль улицы... Жена выскочит, уведет.

- Ну так привлечь этого хмыря за незаконный ТТшник, да еще за стрельбу на улице, в общественном месте. Действия - общественно опасные!

- За такое посадить не большая заслуга. К тому же адвокаты такие дела запросто разваливают.

- Это как?

- По процессуальным нарушениям, за любую запятую зацепятся. По этому деятелю другие статьи плачут... - Илья неожиданно замолчал.

- Это ваши дела. Ты другое скажи, как увидел, что Попов в Максимова стрелял.

- Через прибор ночного видения. - Илья показал на подоконник. Там размещалось устройство, закрытое полотенцем.

- Хорошая у вас техника, нам бы такую. А ты что, и вчера здесь сидел?

- Ночные смены мои. Так больше нравится...

- Понятно. Значит Уханов здесь бывал?

- В мои дежурства три раза его видел.

- А зачем он продукты сюда носит, носил? Нам источник рассказал. Курицу-то для чего?

Что, у Попова еды нет.

- Каждый раз так. Не знаю. Тут еще одна загадка. Уханов в эту калитку только заходил.

- Это как? А обратно...

- Наверное другой выход есть. Наши определилась с этими воротами, и достаточно. Попов всегда здесь заезжает и уезжает. С ним все понятно... Тут вот еще что. Участок большой, эта сторона выходит на третью линию, а противоположная на вторую, на соседнюю улицу. Там поищите.

- А если мы с той стороны свой пост оборудуем?

- Хорошо бы!

- Информацией можно обмениваться. Мы вам поможем, вы - нам.

- Давай за сотрудничество, - предложил майор и достал из кармана плоскую фляжку.

- Не откажусь, - согласился капитан.

Пригубили по глотку коньячку, потом еще по одному за дружбу и расстались в хорошем настроении.

На следующий день капитан Иванов доложил Максимову о вчерашней встрече и передал начальнику гильзу от ТТ. Полковник в свою очередь доложил генералу. Тот внимательно выслушал, даже взялся за трубку телефона, но положил ее на место. - Гильза конечно хорошо, и стрелял Попов в тебя... Но звонить смежникам пока рано, обдумать надо. А о poste на второй линии хорошая мысль. Пошли Иванова, пусть разведает.

Капитан опять поехал в поселок, походил по второй линии. С той стороны в кирпичном заборе действительно была небольшая дверь, неприметная. Вдоль забора росли молоденькие елочки, посаженные ровно. Иван зашел и к Илье. Только домик на третьей линии опустел.

Вскрытие опечатанной квартиры

- Переезжай сюда, что тебе в гостинице делать, - предложила Рая Нине Ивановне. - Квартира как-никак твоя. Освоишься, я и съеду обратно в деревню. Надоел мне город проклятуший...

- Парминск? - Удивилась Нина Ивановна. - А мне наоборот понравился. С Магаданом и сравнивать нечего.

- Да я не про Парминск, и здесь жить можно. Только мне в городе надоело, деревенская я. У меня домик от родителей остался, сын с семьей там. В город ни в какую не хочет, сколько ни звала.

- Перееду конечно, - вообще-то Нина Ивановна рада была, что так все устраивалось. - Только ты меня сразу не бросай.

- Да нет конечно. Как отпустишь, так и тронусь к своим. Внуки ведь там у меня...

- Навещают?

- Редко. Другие в город стремятся, а мои нет... У тебя вещей много?

- Чемодан один, и все.

- Немного.

- У меня ведь в Магадане квартира осталась, а сюда налегке переехала... Новую жизнь хочу начать.

- Никогда не поздно. Возраст нам совсем не помеха.

- Про маму бы мне рассказала, как она жила. Здесь она как чужая, там совсем другая была.

- За один день не расскажешь. Перевезем тебя, обустроишься, потом и поговорим. Мне ведь о Вале, Валентине Федоровне, тоже интересно узнать, как она там жила.

- Расскажу... только особо и нечего.

- Чемодан у тебя большой? Давай помогу.

- На такси привезу.

- Ну, как знаешь. Сейчас в гостиницу пойдешь?

- Да, а то дело е вечеру. Ночевать уже здесь буду, на новом месте.

- Пока едешь, постель перестелю, а потом в гастронорм схожу. Сейчас, от квартиры ключ тебе дам...

- У меня есть, в саквояже лежал, - Нина Ивановна показала ключ с биркой.

- Покажи-ка? - Рая взяла ключ и внимательно рассмотрела его, а также металлическую бирку на колечке, - тут же номер тридцать семь...

- Ну и что? - Не поняла Нина Ивановна.

- Так у меня... эта, твоя квартира за номером пять!

- Может подойдет? - Нина Ивановна встала и подошла к двери...

- Ну как? - Рая даже заулыбалась.

- Не подходит, - вполне серьезно ответила Потапова, - даже не вставляется.

- Как же ключ подойдет, если он от другой квартиры?!

- Тогда зачем он в мамином чемоданчике лежал?

- Саквояж твоей маме Иван Первушин привез, значит и ключ он туда положил.

- Но договор на эту квартиру, пятую. Может сходить в тридцать седьмую?

- В третьем подъезде на третьем этаже есть тридцать седьмая, но там люди живут совсем чужие. Не ходи, можешь на неприятности нарваться.

- Они кто из тридцать седьмой?

- А я знаю?! Придешь к чужой квартире, попробуешь открыть...

- Вдруг откроется?! - Перебила Нина Ивановна.

- Не выдумывай... В милицию хочешь?

- Зачем мне милиция? - Не поняла Нина Ивановна.

- Вот и я о том же, - Рая наконец начала понимать, что дочь Вали Колывановой не то, что ненормальная, а не догоняет, и проявляется это в какой-то странной форме. - Ты в гостиницу? - Желнина решила перевести разговор на переезд Нины Ивановны из гостиницы.

- Ну да, я же говорила...

- Вспомнила, и мне в ту сторону надо сбегать. Пока в номере вещи собираешь, с делами управлюсь и за тобой зайду. - Не было у Раи никаких дел в той стороне, но беспокойство за приезжую женщину только возрастало.

- Ты же в магазин хотела...

- В гастроном? - Рая заглянула в холодильник. - Давай завтра вместе сходим. Купим то, что тебе нравится. Сама выберешь.

- Рыбки бы свежей...

- Хек можно поискать, только замороженный. А свежей рыбы у нас не бывает.

- Жаль. Ну что, пошли в гостиницу?

Всю дорогу до гостиницы, а потом и обратно, женщины оживленно разговаривали. Обратно тоже пошли пешком и чемодан с вещами несли по очереди, тяжелым был. Рая несколько раз ловила себя на том, что поддавала под обаяние Нины Ивановны. И эта женщина уже не казалась странноватой, а ее рассуждения воспринимались как вполне нормальные, даже очень логичные. Рая согласно кивала головой и все чаще поддакивала, соглашаясь.

Добравшись домой, теперь уже подружки, принялись за обустройство Нины Ивановны. А когда вещи разложили, постель перестелили, на этом настаивала Рая, Нина Ивановна была против, никто в этой комнате не жил и не ночевал, прежняя хозяйка принялась за ужин и спохватилась.

- Нина, - женщины окончательно стали на ты, да и другие церемонии отпали сами-с собой, - за хлебом сбегай. - Рая перестала беспокоиться за Потапову, случилось это как-то само-с собой.

- В какой магазин лучше? - Нина Ивановна с готовностью надела пальто, ботики и шляпу.

- Где контора ухановская ведь знаешь?

- Ну да, - ответила Нина, связь с нотариусом оказалась случайной, как ориентир.

- В следующем доме гастроном, допоздна работает, лучше туда.

Ну и что же, побежала, образно выражаясь, Нина Ивановна за хлебом, но у дома 162, где и была та самая контора, что-то замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. В окнах конторы горел свет, и какие-то люди там были.

- Может зайти? - Подумала женщина, но не решилась и, пройдя чуть дальше, присела на скамейку у соседнего подъезда.

Над дверью в подъезд горела слабая лампочка, и хорошо виднелась табличка с номерами квартир: 31 - 45. Нина Ивановна достала из кармана ключ с металлической биркой и посмотрела на выбитый номер - 37. Встала, поднялась на третий этаж и подошла к двери первой слева с таким же номером.

- Бумажка какая-то приклеена, - женщина оторвала ее, невзирая на синие печати, совсем неважные, и вставила ключ в замочную скважину. Он легко провернулся, замок дважды щелкнул, и дверь, скрипнув, подалась вперед. Из квартиры пахло затхлым воздухом и одновременно куревом. Шаги Нины Ивановны гулко отдались в пустоте, а дверь сзади мягко захлопнулась.

Кто здесь? - Почему-то просила женщина, пройдя в комнату, слабо освещенную с улицы фонарями. Но ей никто не ответил. Да и кто мог ответить в пустой квартире, где и мебели никакой не было, только на кухне посередине стоял стул. Нина Ивановна присела на него и решила немного передохнуть.

Уснуть проще, чем проснуться

Стул был самым обычным, деревянным, но сидеть на нем оказалось удобно. Нина Ивановна оперлась о спинку, руки положила на колени и некоторое время смотрела перед собой. Правда света с улицы проникало немного, а еще поднялся ветер, и тени деревьев заскользили по серым стенам. Быть может стены только казались серыми, на самом деле имели совсем другой цвет. Только их оттенок ничего не значил.

- Не спи, не спи, - тени веток пытались уберечь женщину от непоправимого, но получилось совсем наоборот. Веки Нины Ивановны опустились, темнота и тишина окружили женщину, растворяя остатки ее воли, но только не сознания.

- Подремлю, - пришла мысль. В пустой квартире было покойно, заботы остались где-то на улице, как казалось далеко. - Мне же хлеба надо купить. - Донеслось снаружи. - Успею. - Ответила сама себе Нина Ивановна. И время для женщины перестало существовать, как и пространство.

Из верхней квартиры иногда доносились звуки. Говорили двое, мужчина и женщина, они же видимо двигали стулья и переходили с места на место, поскрипывали половицы. - О чем они говорят? - Нине Ивановне стало интересно, только слов все равно было не разобрать. И вдруг женщине представились или приснились ее отец и мать.

Она увидела их ясно, родители были еще не старыми. Нина ощутила себя девочкой, причем ей стало грустно, даже слезы навернулись от того, что мама и папа говорили громко, даже ругались. Отец высказывал претензии, а мама пыталась оправдываться. И в этом сумбурном разговоре не раз звучало имя Иван. Девочка хотела вмешаться, даже подбежала к маме, пытаясь прижаться к ней. Только мать не то, что оттолкнула дочь, получилось такое движение не специально, больше эмоционально, а отстранила ее от себя.

Девочка отбежала, забилась в угол и тихо плакала одна. Отец вскоре умер, а отношения с матерью так и не наладились. Смерть отца оказалось преждевременной и поэтому неожиданной. Нина отца жалела, любила, не понимала, что случилось. Боль не прошла даже со временем, ушла глубже и затаилась, давая о себе знать при каждом удобном случае. Отец долго снился девочке, потом время все же сделало свое дело, острота потери притупилась.

Нина замкнулась, молчала и больше заглядывала в себя. Так было легче, мир из глубины сознания казался не таким страшным. И надо заметить, девочка обрела, а может это качество было от рождения, душевную простоту. Поступала по одному ей ведомому наитию, не логике, и, надо сказать, неосознанно обходила подводные камни житейских трудностей. Хотя люди, кто был знаком с девочкой, считали ее конечно не дурочкой, но простушкой. Если бы Нина хоть раз задумалась над тем, какой была, как принимала решения, то точно сделалась другой, вполне обычной, и жить ей пришлось бы намного сложнее.

- Нина! - Возглас прозвучал в квартире гулко. Женщина вздрогнула и открыла глаза. Ничего не изменилось, только тени деревьев на стенах замерли, ветер на улице стих. - Приснилось, - подумала Нина Ивановна об окрике и тут услышала, как хлопнула форточка в большой комнате. - Сквозняк, - возникло самое простое объяснение. Нина Ивановна не без труда поднялась со стула и прошла с кухни в комнату.

Форточка действительно оказалась полуоткрытой, холодный воздух теперь проникал с улицы. Женщина подошла к окну, закрыла форточку и щелкнула шпингалетом. За окном был еще балкончик, на него выходила дверь из комнаты.

- Иван! - Вспомнила Нина Ивановна недавний сон или воспоминание, всплывшее из глубин памяти. - Не он ли писал маме письма, не про него ли говорила Рая? Может он приезжал к маме, а потом мама поссорилась с папой... И папа! Он же так неожиданно умер... Иван, не он ли причина? - Если Нина Ивановна другим казалась простушкой, то одна рассуждала вполне

здорово. Хотя и рассуждениями всплывающие слова назвать было трудно. Слова возникали и пропадали. Они могли исчезнуть бесследно, но иногда оставались, и за ними следовали действия женщины, казавшиеся случайными.

- Надо письма из маминого саквояжа почитать, - вдруг решила Нина Ивановна. - Для такого решения женщине потребовался почти год со дня смерти мамы. - Хлеб! Я же за хлебом пошла! Рая меня наверное потеряла. - Нина Ивановна вышла из квартиры и закрыла за собой дверь.

А бумажка с печатями так и осталась болтаться, приклеенной к косяку. И на подоконнике под форточкой появился четкий след ботинка, которого до появления в квартире Нины Ивановны не было.

Странная женщина

За оперативными мероприятиями по Уханову и Попову, проводимыми в Заречье, совсем выпала из поля зрения Потапова, женщина, которая должна была приехать в Парминск из Магадана. Вспомнили про Нину Ивановну позже - пришел ответ на запрос из УФСИН.

Тогда и стало понятно, кто такая Потапова, только никакой связи с нотариусом Ухановым и его непонятной смертью не прослеживалось. Нотариус уведомил Нину Ивановну письмом, что она по завещанию Колывановой, своей матери, является наследницей всего имущества. Об имуществе ничего не говорилось, и завещания найти не удалось.

- А что с почтовой корреспонденцией на Уханова? - Спросил Максимов на очередной утренней летучке. По постановлению следователя прокуратуры она должна была досматриваться.

Сотрудники переглянулись и дружно промолчали. Вопрос не относился конкретному сотруднику, а когда на него неудобно отвечать, лучше промолчать. В случае успеха, наверное, все бы заговорили.

- Иван Сергеевич? - Полковник обратился конкретно к Ивановну, начальнику отделения, он вел оперативное дело. - Забыл?

- Да не то, чтобы забыл... Сами ведь знаете, Петр Сергеевич, не до почты было... Заречье... - Капитан начал не так, не правильно, но быстро поправился. - Разрешите на почту?

- Давай! - Усмехнулся Максимов.

Летучка закончилась без капитана, а Иванов между тем пропал и появился у полковника только к перед обедом.

- Ну?! - Максимов нахмурил брови.

- Прилетела, здесь! - Отрапортовал Иванов.

- Давай по порядку, - полковник улыбнулся, любил, когда подчиненные понимали даже без слов и начинали действовать, пинка не требовалось.

- Телеграмма пришла, Потапова Н. И. письмо получила, вылетела в Парминск.

- Телеграмму кто отправлял?

- Девяткина.

- Не сама значит...

- Запрос на Девяткину в Магадан отправил. А телеграмма ушла накануне вылета Потаповой. Через Москву летела, по билетам установил.

- Сейчас она где?

- Остановилась в гостинице Урал, потом съехала...

- Куда?

- Тут вот какое дело...

- Пропала?

- Не совсем...

- Говори, говори, - усмехнулся Максимов. - А то я впереди паровоза.

Когда Потапова выезжала из гостиницы, в фойе ее ждала некая Желнина. Работала когда-то в гостиничном ресторане, ее узнала сотрудница на стойке регистрации. Можно предположить, Потапова к ней ушла.

- Логично. Желнина живет в Парминске?

- Время требуется, Петр Сергеевич...

- Прописки в областном центре нет, - догадался Максимов.

- В первом приближении да. Но сотрудница Урала сообщила, что Желнина проживала на улице Ленина в сторону вокзала недалеко от гостиницы.

- Если Желнина была трудоустроена в Урале, след должен остаться, указывала же она какой-то адрес, временная регистрация должна быть.

- Так и есть! - Теперь засмеялся капитан. - Ленина, 186, квартира 5!

- Ну что же, молодец, - похвалил Максимов, - теперь можно и в адрес наведаться.

- Я бы не стал торопиться, Петр Сергеевич, - возразил капитан, - понаблюдать за этой Потаповой надо.

- А смысл?

- Пока ничего определенного сказать не могу...

- Чутье? Ручей деда Матвея покоя не дает? - Максимов вспомнил давнишние события.

- Не знаю, - усмехнулся Иванов, - вроде и нет ничего, потом вдруг приходит.

- Осторожней с этим! - Предупредил полковник. - Три дня даю, не думаю, что толк будет, а время потеряем. - Чутье у Максимова было, и водичку он из того самого ручья тоже пил, только притупилось со временем. - Фотография Жениной осталась?

- Есть на карточке в Урале.

- А Потаповой?

- В материалах из Магадана.

- Задание топтунам готовить.

- Уже, - капитан достал из папки заполненный бланк.

- Молодец! - Максимов подписал задание. - Сегодня вечером в конторе нотариуса с прокуратурой работаем.

- Мне бы лучше с топтунами.

Хорошо. - Согласился полковник. - Действуй!

- Есть! - Капитан радостный убежал.

Дальнейшие события, читатель их знает с другой стороны, разворачивались следующим образом. У дома 186 по Ленина установили пост. Он размещался в ГАЗ 24. Капитан Иванов тоже напросился к топтунам, хотя такое было и не принято, но присутствие инициатора задания допускалось.

- Вот она! - Капитан первым среагировал на странноватую, одетую несуразно женщину, вышедшую из подъезда. На улице стемнело, но в свете уличного фонаря Потапова была достаточно узнаваема.

За Ниной Ивановной пошел ничем не примечательный человек. По радиации от него поступала информация о передвижении женщины. И все было, можно сказать, хорошо, пока Потапова не зашла в квартиру 37 по Ленина 162, сорвав бумажную ленточку.

- Может доложить? - Спросил старший топтунов.

- Подождем, - решил Иванов, тем более окна конторы нотариуса светились, Максимов был рядом.

Так простояли часа три. Максимов и прокурорские закончили свои дела в конторе и уехали, а свет в квартире 37 так и не загорелся.

- Не случилось чего? - Предположил старший.

- Проверю, - капитан поднялся к квартире, внутри было тихо. Дверь оказалась закрытой, немного был люфт, наверное сама закрылась на защелку английского замка, так их называли. Иван даже постучал в дверь, но безрезультатно. Пришлось вернуться обратно и рассказать. Оставалось только ломать дверь, вызывать другие службы, понятых и так далее. Оснований для таких действий не было. Может уснула Потапова, всех и делов-то.

- У меня парнишка есть, куда угодно залезет, - предложил старший. - Третий этаж, балконы, труба с крыши рядом проходит.

- Ну и что? - Не понял капитан.

- С балкона заглянет, штор нет. Увидит, что там делается.

- Давай, - разрешил капитан, хотя идея ему не нравилась.

Сотрудник и правда выглядел как парнишка и мигом вскарабкался по балконам и трубе наверх, заглянул в комнату и подал знак - никого в комнате нет. - Пока старшие думали, как поступить, он дакнул рукой на форточку, та открылась внутрь, скинул куртку и пролез в комнату. Не было его минуты две, выбрался на балкон, захватил куртку и тем же путем спустился обратно.

- Ну что там? - Спросил капитан.
- Квартира пустая, только стул на кухне...
- Потапова где? - Продолжил капитан.
- Сидит на стуле и спит.
- Точно спит?
- Дышит!
- И со стула не упала?! - Удивился старший.

Маленький сотрудник только развел руками.

Простояли еще с полчаса. Увидели, как Потапова закрыла форточку, потом вышла из подъезда, дошла до магазина, купила хлеба и вернулась в первый адрес на Ленина 186.

Родство чужих людей

- Ты куда пропала? - Рая открыла дверь Нине Ивановне и была явна обеспокоена. - Хотела бежать, тебя искать. Случилось что?

- Хлеб купила, - Нина Ивановна протянула новоявленной подружке пакет с батоном.

- Да бог с ним, с хлебом, - Рая не хотела отступать и стояла в узком коридоре квартиры. - Ну?! А, ладно, как знаешь... Есть хочешь?

- Поздно уже, - Нина Ивановна в своем обычном-то состоянии казалась заторможенной, а тут вернулась как не от мира сего. - Может чаю попьем?

- Можно и чаю, - Рая ушла на кухню и загремела чайником.

А Нина Ивановна повесила шляпу на вешалку, скинула пальто, сняла ботинки, пошла в свою комнату переодеться и опять пропала. Уже и чайник весело засвистел. Рая хотела заглянуть в комнату к женщине, но та зашла на кухню сама, переодетая в домашнее, умытая и посвежевшая.

- Родителей видела, - начала Нина Ивановна, отхлебнув из кружки чая.

- Как родителей?! - Не поняла Рая и подозрительно посмотрела на Нину, все больше тревожась за женщину.

- Приснились, - пояснила подружка. - Ссорились, а я переживала, плакала. Они еще молодые, а я совсем девочка в угол забилась, страшно было... - Нина Ивановна замолчала, а потом, попробовав клубничного варенья из вазочки, продолжила сразу о другом, - сама варила?

- Сама, - оторопело ответила Рая, никак не могла привыкнуть к манере разговора Нины Ивановны. Вопросы этой женщине задавать было бесполезно, она их не воспринимала, а если даже и отвечала, то благодаря совпадению с течением ее собственных мыслей. - Нравится? - Спросила Рая о варенье.

- Вкусное, - подтвердила Нина Ивановна и перескочила на другое. - У мамы были отношения с Первушиным?

- Еще какие! - Подтвердила Рая и замолчала. Хотя разговор между женщинами о жизни тогда еще Вали Колывановой в Парминске заходил ранее и должен был продолжиться. - Иван любил очень маму твою, на все ради нее готов был...

- А мама, - перебила Нина Ивановна.

- Многим Ивану обязана, если не всем, - уклончиво ответила Рая.

- И с моим отцом также, - подтвердила подружка. - Там ее понять можно было, кому же хочется в зоне...

- Ну да, теплая постель-то лучше.

- Отец ее под Указ подвел, потом и женился, меня удочерил... Жаль, не долго прожил. - Нина Ивановна тяжело вздохнула, а потом добавила, - Он меня больше любил...

- Чем мама, - сказала Рая, а потом поправилась, - Валя?

- Ну да, - подтвердила Нина, не обратив внимание, как казалось, на оговорку Раи. - Про маму расскажи, если знаешь.

- Только со слов Ивана. Валя по этапу уехала, когда я еще совсем маленькая была...

- А родители твои кто? - Поинтересовалась Нина Ивановна.

- Нет их... Были конечно. Иван меня из детского дома взял, пожалел.

- Ты говорила, деревенская?

- Так и есть, райцентр наш - большая деревня. А Иван местным авторитетом был.

- В районе что ли? - Удивилась Нина Ивановна, представление о блатных имела не понаслышке.

- Здесь, в Парминске... центральный рынок тогда под ним оказался... Ну как оказался, не просто все было. Сучья война кого опустила, кого хорошо подняла. Вот Иван и всплыл, торговля бойко шла.

- А с мамой как же?

- Мама... твоя, - опять поправилась Рая, - тогда в столовой работала на рынке. Вот и познакомились. Продукты через нее левые шли, ну и прочее... Потом на рынке дом колхозника работал, барахолка была, Балка ее называли. Вот она и управлялась со всем...

- А по ней не сказать...

- Иван тоже так считал, прикрывал ее, свои ребята у него имелись. НКВД не до рынка было, война, ОББ другим занимались.

- Я и не знаю ничего про это.

- И не надо, - Рая махнула рукой, - Давай-ка я тебе горяченького подолью.

- И правда что, - согласилась Нина Ивановна. - А потом Рая, я вот что не поняла, - женщина достала из кармана халата конверт и вынула из него листок в клеточку, исписанный с двух сторон. - Подробно письма Первушина маме не читала, посмотрела только. Да, я тебе о них говорила?

- Говорила, - Рая, сама не зная отчего, вдруг напряглась, и чуть не поперхнулась чаем.

- Сейчас, пока переодевалась, еще раз их просмотрела и точно, вот в этом, - Нина Ивановна начала водить пальцем по строчкам. - Он пишет о Рае... Это не про тебя?

- Про меня, - Рая поставила чашку на стол, - я на рынке работала.

- Он еще про девочку пишет... А отчество у тебя не Ивановна? -

- Ивановна... Первушин, он меня удочерил... когда из детского дома забрал...

- У меня отца тоже Иваном звали, Иван Васильевич он.

- Моего Иван Сергеевич, - Рая даже непроизвольно сглотнула, кадык сам дернулся и вернулся на место.

- Я вот что подумала, - Нина Ивановна отложила письмо, - Ты сказала, что я на маму похожа, даже Валею назвала, когда первый раз увидела...

- Ну да, так и есть, - подтвердила Рая. - Только я ее молодую запомнила, сама еще девочкой была...

- И мамой ее назвала, - Нина Ивановна внимательно посмотрела на Раю.

- Так это я так, случайно... Не то, что ты на нее похожа, говорила же, глаза, взгляд один в один.

- И ты на нее похожа, и тоже глазами. Я только сейчас увидела... и догадалась.

- Что догадалась? - Рая даже дышать перестала.

- Мы же сестры с тобой, и ты старшая, только выглядишь моложе... Так?

- Так, - губы Раи дернулись, рот скривился, а глаза увлажнились. - Не хотела говорить тебе.

- Почему? - Не поняла Нина Ивановна.

- Да вот почему, - Рая вскочила со стула, он чуть не упал, выбежала с кухни и быстро вернулась. - Мне такое же письмо по наследству пришло. - Вот! - Женщина бросила на стол отпечатанный на машинке документ.

- Ну и что? - Не поняла Нина Ивановна.

Прости... сестренка. Бес попутал!

Две сестры и наследство матери

- А ты ведь не любила ее, - произнесла Нина Ивановна, разговор на кухне между сестрами продолжался.

- За что мне любить, - Рая уже успокоилась и пожала плечами. (Эта женщина так и останется для читателя Раей без отчества, хотя она и старше своей сестры). - В детский дом меня бросила и укатила...

- Что значит укатила?! - Возмутилась Нина Ивановна. - Осуждена была и срок отбывала.

- Как девчонкой запомнила, так на всю жизнь... Когда тебе первый раз дверь открыла, подумала что она. Как ее назвала?

- Валя, - вспомнила Нина Ивановна.

- Вот Валея она для меня и останется...

- Не хорошо это.

- Ну и что, пусть... Ты в детском доме жила?

- Я детский сад зоновский прошла, бывало и ночевала там. - Заметила Нина Ивановна.

- Многие ребятишки до трех лет вообще своих матерей не знали, а потом и признавать не хотели...

- Тоже не сладко, - согласилась Рая.

- Тебя в железной ванне на горячей плите мыли?

- Мы в баню ходили, у детского дома своя баня была.

- Так вот, давай не будем меряться, кто больше лиха хлебнул! - Нина Ивановна умела и голос повышать, когда требовалось.

- Да я и не хотела...

- Забудем, что пережили, то пережили... Днем сегодняшним жить надо...

- И завтрашним. С завещанием как быть?

- Выходит мы с тобой две наследницы?

- Если еще кто не нарисуетя.

- Вроде у нашей мамы никого больше не было?

- Будем так считать. Тебе лучше знать, с ней всю жизнь прожила.

- А само завещание где искать? Нотариуса убили. Как такие дела решаются, не знаешь?

- Нет. Может в Милицию обратиться?

- Сегодня в конторе люди были, свет горел...

- Это когда ты мимо шла?

- Ну да... И ключик к двери подошел, - Нина Ивановна вышла в коридор и достала из кармана пальто ключ с металлической биркой и номером 37.

- От конторы что ли? - Не поняла Рая.

- Нет, от тридцать седьмой квартиры, подъезд рядом.

- Ты как туда попала? - Рая не переставала удивляться сестре.

- Не спрашивай, - Нина махнула рукой, - у меня бывает.

- Находит, что ли? - Не отставала Рая.

- Называй, как хочешь...

- Да я к другому, боюсь. Уже хотела за тобой бежать...

- Зачем?

- Искать. Вдруг случилось что.

- Что может случиться? - Удивилась Нина Ивановна, причем вполне искренне.

- Ну, знаешь!

- Не знаю и знать не хочу. Ты лучше скажи, что это за квартира? И почему ключ от него в саквояже твоего отца лежал?

- Тут я не помощница. Отец в свои дела не посвящал. А такие квартиры думаю у него были. На рынке разная братва крутилась, ночевать где-то надо было...

- Ну да, - Нина Ивановна согласилась. - Пустая, только на кухне стул... А ты как и мама на рынке работала?

- На рынке-то, на рынке. Только до мамы мне далеко было...

- Как и мне, - перебила Нина Ивановна, - парикмахером работала. Да больше и не надо, хватало.

- Денег что ли?

- Не в деньгах дело...

- А мне не деньгами перепадало, все больше продуктами. Тоже хорошо. Поваром была... А ты замужем?

- Давно развелась, муж моряк, дома никогда нет, а потом заявление прислал. Дочь одна вырастила.

- Она в Магадане?

- Да что ты? Школу закончила, в Ленинград уехала, у нее своя жизнь. Ты говорила сын у тебя, внуки?

- Муж тоже давно сплыл, еле избавилась, в ЛТП отправила. Никакого спасу от него. А сын на деревенской женился, там и живут. Тоже хотела к нему перебираться, надоел город. Теперь вот ты приехала, не знаю как быть... Не думай, не в наследстве дело.

- А я и не думаю. Только давай договоримся. Мы с тобой сестры?

- Сестры.

- Разберемся с наследством, а там видно будет, как дальше жить. - Нина Ивановна рассуждала вполне здраво. - Согласна?

- Согласна.

- Про своего отца можешь рассказать. Он жив?

- Не знаю.

- Даже так?

- На рынке не так долго продержался... Без мамы нашей тосковал, летал к ней, да ты знаешь. Вернулся растерянный, все у него как из рук начало валиться...

- Письма ей писал. Она ему так и не ответила? Ее писем не находила?

- Да вроде нет... Хотя и не искала. В маминой комнате ничего не трогала, прибиралась только.

- Может он сам с рынка ушел?

- Итак могло быть. Да, как-то отец про Валю, ой, про маму, сказал, что все ей отдал.

- Странно, - Нина Ивановна пожала плечами. Вроде зачем так надо было перед женщиной.

- Причем еще до моего рождения, - добавила Рая.

- Добивался ее так, что ли? - Предположила Нина Ивановна. - Это какую же она над ним власть имела!

- Не знаю про власть, но в тюрьму он ее упек, - усмехнулась Рая.

А к ней летал, когда понял, что мама завещание хитрое составила, и ему ничего не светит, вернуть пытался. - Такие откровения Нине Ивановне приходили неожиданно. Откровениям можно было верить, а можно и нет. Нина Ивановна принимала их как должное и до этого дня не ошибалась.

Исчезновение фигуранта дела

Новоявленные сестры, Нина Ивановна и Рая, проговорили всю ночь, сон не шел, а одним чаем с вареньем, пусть и клубничным, сыт не будешь. Рая, как хозяйка квартиры, да и старшая сестра, к возвращению Нины Ивановны успела нажарить картошки и котлет. Так вот, за ночь сестры наворачнули целую сковородку картошки и съели по две котлеты, а чая выпили намеренно. Все же сон свалил обеих под утро, сестры разошлись по своим комнатам и уснули.

Рая проснулась поздно, чуть ли не к обеду, и не удивилась, что Нины Ивановны уже нет, начала привыкать к странностям сестры. Поэтому вполне спокойно принялась за готовку, решила сварить щец со свининкой и кастрюлю взяла побольше, помнила, как большая сковородка картошки и котлеты быстро закончились. А щи по новому распорядку видимо предстояло есть вечером, если опять не ночью.

Тем временем Нина Ивановна, на этот раз захватив с собой саквояжик с письмом нотариуса, вышла на улицу без какой-то конкретной цели, и ноги сами понесли ее в сторону конторы Уханова. Конечно главная цель была, найти завещание, да и само наследство, но, что для этого следовало делать, было абсолютно непонятно, а сидеть в квартире все равно толку не было.

От квартиры Раи до конторы следовало пройти несколько кварталов по улице Ленина, и Нина Ивановна шла медленно, торопиться ей не хотелось. Никак не могла привыкнуть к Парминску, чувствовала себя в Уральском городе чужой. Пусть здесь и протекала полноводная река, но что река, по сравнению с Охотским морем, где и воздух другой. Миллионный Парминск жил сложной, непонятной жизнью, здесь чувствовался промышленный ритм, Магадан был хорош по-своему, совсем по-другому, что вряд ли можно выразить словами.

Может Нина Ивановна и пожалела, что сорвалась с места, она не могла разобраться в собственных чувствах, да честно говоря, и не копалась в пришедшей грусти. Грусть скорее всего связывалась с мамой, которая, после разговора с Раей, вдруг предстала перед дочерью другой, теперь казавшейся чуть ли не чужой. Наверное Нина Ивановна и раньше чувствовала в матери непонятное, некоторую отстраненность, поэтому больше любила отца, ушедшего рано. И мысли ее одолевали теперь новые.

- Из рассказов сестры смерть папы представляется по-другому. Вряд ли она связана с состоянием здоровья, на него отец никогда не жаловался. Это потом мама объяснила причину смерти возрастом и болезнью, надо же было мне что-то сказать. И почему мама не обмолвилась о завещании, причем составленном на своих будущих детей. Почему не призналась, что у меня есть старшая сестра, пусть у ней отец другой. Ушла, оставив после себя неразрешенные вопросы, даже не намекнула на наследство. Да и какое наследство? Может ерунда какая-то, ничего не стоящая. Хотя первый мамин муж прилетал к ней, не из-за любви же. Думай теперь, как поступить, что делать. -

За собственными рассуждениями Нина Ивановна дошла до конторы Уханова и остановилась. На этот раз день выдался пасмурным, свет внутри не горел. - Нотариуса убили очень некстати. - Подумала женщина. - Завещание в ячейке банка. Разве так бывает? Посижу как вчера на скамейке у соседнего подъезда. Холодно сегодня. Может в квартиру подняться? Там можно в тепле на стуле посидеть. - Нина Ивановна проверила карманы пальто, но ключа не оказалось. - Ворона! Он же у Раи в кухне на столе! - Расстроилась женщина.

- Не этот ключик ищите? - Голос сзади прозвучал неожиданно.

Нина Ивановна даже вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял высокий мужчина, смотреть на него приходилось снизу вверх. Воротник черного пальто был поднят, какая-никакая защита от ветра. На голове покоилась фетровая коричневая шляпа с широкими полями, что было большой редкостью. В руке человек держал ключ от английского замка, на колечке болталась металлическая бирка, правда выбитый номер разглядеть не удавалось.

- Из кармана выпал, - Нина Ивановна растерялась, не знала, что и думать.

- Рая отдала, попросила вам отдать.

- Рая?! - Удивилась Нина Ивановна.

- Ну да, по делам к ней зашел, она и послала за вами...

- Зачем?

- Как зачем, ключ вам передать, - незнакомец начал терять терпение.

- Спасибо, - поблагодарила Нина Ивановна, но ключ брать не спешила. Правда сначала протянула за ним руку, но потом почему-то спрятала ее в карман. - Рая еще спит, - подумала женщина. - Даже если ее разбудили, не до ключа ей. Что ей ключ. И не знала она, куда я пошла, не договаривались мы.

Похоже незнакомец растерялся и не знал, что сказать, что делать. И тут к нему подошел еще один человека, одетый попроще, в куртку, и попросил прикурить.

- Нет у меня спичек, - первый человек испуганно оглянулся, сунул злополучный ключ в карман и скорым шагом удалился.

Второй убрал сигарету в карман и тоже ушел, причем у попадавшихся навстречу, даже куривших прохожих, прикурить больше не просил.

Нина Ивановна растерянно оглянулась, - то двое подошли, то никого, разбежались, - пожала плечами, посмотрела на пустые окна тридцать седьмой квартиры и пошла по Ленина дальше в сторону вокзала. - Погуляю еще, пусть Рая выпится.

- Да говорю же, пасут ее! - Человек в шляпе пытался объяснить неудачу другому.

- Дурак ты, Ворон, - усмехнулся тот, - не Ворон, а ворона! Да ворона умней тебя в тыщу раз! Зачем с ключом к этой бабе полез?

- Думал прокатить, дура, дурой...

- Не дура выходит?

- Да она уже и руку протянула, ключ взять хотела...

- Ну и взяла бы, дальше что?

- В квартиру пошла бы. Я за ней, а там...

- Бы, да, ка бы... Вернется к Райке и спросит, приходил кто, или нет. Ты что ответишь? Молчишь? Ну, молчи, молчи...

- Зачем ты прикурить у него попросил?! - Максимов приехал к топтунам и устроил разгон. - В задании что написано?

- Испугался за бабу эту, - сотрудник потупился, - глупая, в два чета обведут, потом ищи ее...

- Так ты работу хотел себе облегчить? - Продолжил полковник.

- Нет.

- Нет. А ты, инициатор, - слова относились к капитану Иванову, - что делал? Как такое допустил?

- Виноват, - ответил капитан.

- Один, хоть правильно отвечать научился. Надеюсь за мужиком в шляпе протопали?

- Нет, - ответил старший топтунов. - В задании про осколки ничего не написано.

- Потапова где? - Максимов надеялся, что по объекту хотя бы что-то есть.

- На электричке уехала, - ответил Иванов.

- Как уехала? Куда уехала? - Полковник аж почернел.

- Шла по перрону, - начал объяснять старший топтунов. - На первом пути стояла электричка...

- Билета у ней не было, - заметил Иванов в оправдание.

- Объявили отправление, Потапова как раз поравнялась с дверью в вагон и зашла... - продолжил старший.

- Ну да, - продолжил Максимов, уже смеясь над подчиненными. - Двери неожиданно закрылись и электричка уехала. Так?

- Так.

- Электричку догнали?

- Догнали... на третьей остановке.

- Ну? - Надежда у Максимова еще оставалась.

- Объекта не оказалось.

- Почему догнали только на третьей?!

- Электричка сразу на железнодорожный мост ушла, а нам до автомобильного через весь город пришлось.

- Так Потапова что, на той стороне в Заречье вышла?

- Выходит так. По поселку пробежали, объекта не обнаружили.

- Пост на второй линии у дома Попова успели организовать?

- Нет еще.

- Да там и негде, - вступился за коллег Иванов, - ни одного целого домишки не осталось.

- А на третьей линии что?

- Не появлялись они больше... - продолжил капитан. - Но не полезем же мы на их место.

Ну и что мне сегодня генералу докладывать?

Помощь

Нина Ивановна помнила, как проходила по перрону мимо вагонов электрички с открытыми дверями, но почему вдруг зашла в вагон перед самым отправлением, объяснить не могла, да и не хотела. Зачем лишний раз загружать себя пустыми вопросами, ответы на которые все равно ничего не давали.

Захотела и зашла в вагон, тем более сделать это оказалось очень просто, шагнула с перрона в тамбур, и двери сзади тут же закрылись. Электричка тронулась плавно, ход набирался постепенно, и Нина Ивановна успела занять место в почти пустом вагоне, поставив рядом кожаный саквояж.

- Дождь начался, - подумала Нина Ивановна, заметив на стекле косые водяные стрелы, - значит не зря поехала, а так бы промокла. И совсем невдомек было женщине, что лучше было зайти в здание вокзала, переждать непогоду там, посидеть в буфете и выпить стакан горячего чая, да еще со сладкой вкусной булочкой.

- Ой, а река какая! - Восторгам женщины не было предела, поезд застучал по мосту, и за окном замелькали металлические фермы. - Широкая! - Таких рек Надежда Ивановна в своей жизни не видела. - Кораблик внизу! - Так могла радоваться увиденному маленькая девочка, наверное пожилая женщина в душе такой и оставалась. А вообще, вспыхнувшую при рождении искорку пронести по жизни очень непросто. Не так и много подобных людей на земле.

И вдруг идиллия Нины Ивановны, ее восторженное состояние было нарушено. Из первых по ходу вагонов потянулись пассажиры, они переходили из вагона в вагон ближе к хвосту электрички. Женщина ничего не поняла и забеспокоилась только тогда, когда осталась в вагоне одна. И тут по вагону пробежал последний пассажир, мальчишка.

- Что случилось, случилось что?! - Успела спросить Надежда Ивановна.

- Контролеры! - Бросил через плечо парнишка.

- Ой! - Спыхватилась женщина. - А у меня билета нет. - Не забыла саквояжик и поспешила следом. - А дальше-то что? - Мелькнула мысль. - Все равно бежать некуда!

Однако пассажиры были опытными и привыкли к подобным ситуациям. Скоро электричка остановилась у платформы, только это была обычная насыпь, приходилось чуть ли не прыгать. Нине Ивановне помогли спуститься, а кто, женщина не успела заметить. Люди побежали по насыпи вперед поезда, стремясь успеть запрыгнуть в первый вагон. Разумному объяснению такая пересадка не поддавалась, но видимо позволяла ускользнуть от контролеров.

Нина Ивановна в такой ситуации растерялась, осталась на насыпи одна и беспомощно оглядывалась. Между тем, электричка весело свистнула, двери закрылись и состав пошел дальше.

- Что мне делать-то?! - Нина Ивановна поняла глупость своего решения. - Лучше было штраф заплатить и ехать дальше. - Но тут же опомнилась. - А собственно, куда я ехала? Может и правильно, что вышла. Мне бы в город вернуться.

- Вы в поселок? - С противоположной стороны через пути перешел старичок в телогрейке, кирзачах и замызганной шапке.

- Мне бы в город, - неуверенно сказала Нина Ивановна.

- А в город электрички не будет, - усмехнулся явно местный житель.

- Как же быть-то? - Недоумевала женщина.

- По тропинке идите, - от насыпи в лес уходила плохо заметная дорожка, засыпанная хвоей от сосен. - В поселок из города седьмой автобус ходит. По тропинке в аккурат к остановке выйдете.

- Вы не в поселок? - Нине Ивановне с попутчиком было бы спокойней.

- Проводить вас?

- Хорошо бы. - Женщина даже обрадовалась.

- Жаль, не могу, - отказался мужчина и объяснил. - Тороплюсь, мне в другую сторону. Да, вы не бойтесь, тут недалеко, с километр будет.

- Спасибо, - поблагодарила Нина Ивановна, осторожно спустилась с насыпи и сделал несколько шагов по тропинке. - Хорошо, что дождь перестал, а то бы вымокла вдобавок к неприятностям.

Прежде чем войти в сосновый бор, женщина остановилась и оглянулась, насыпь с железнодорожными путями теперь оказалась чуть выше.

- А где же старичок? - Не поняла Надежда Ивановна. - Только что здесь был, и вот, нет его. - С насыпи, с того места, где стоял старичок, лишь осыпались несколько камешков. Для верности женщина посмотрела влево, вправо, и там никого не виднелось. - Ушел, что ли, - как-то попыталась объяснить ситуацию Нина Ивановна и зашла в лес.

Старый сосновый бор был посто замечательным. Деревья росли кучно, поэтому тянулись к солнцу, и ветки на желтых стволах росли только в верхней части, остальные отмирали. А какой воздух был в лесу! Смолистый и свежий одновременно.

Нина Ивановна шла не торопясь, дышала глубоко, ее вновь захватило очарование окружающего мира. И не до страхов было женщине, которую можно назвать смелой. Хотя никакой смелости у Нины Ивановны не было, она просто сливалась с окружающим миром, становилось его частью, полностью растворяясь.

Скоро показались первые дома Заречья или Рублевки, как называли поселок. Он был частью Парминска. Нине Ивановне повезло, на конечной остановке стоял седьмой автобус. Только женщина, не раздумывая, прошла мимо, очень ей хотелось побродить по улицам и переулкам, между высокими каменными заборами, чуть ли не крепостными. А еще Нина Ивановна решила выйти к могучей реке, через которую переехала по мосту на электричке.

Похищение женщины

После разбора проваленного мероприятия, в результате расследование дела вроде как зашло в тупик, Максимов с базы топтунов поехал в УВД. Настроение у полковника можно было назвать сложным. В отчаяние Максимов никогда не впадал, держал себя в руках и пытался найти положительные моменты в любой ситуации, как бы она ни складывалась. Вот и в этот раз, сегодняшние события на улице, а потом и потерю объекта разработки, полковник расценил как активизацию событий. Любая активность фигурантов, как известных, так и появившихся впервые, и была тем самым положительным фактором.

- Зашевелились, - так рассудил Максимов, - то, что незнакомец на улице подошел, уже хорошо. Значит не было и нет у них к Потаповой подходов. Может хорошо и то, что наш недотепа его спугнул. Если по завещанию большие ценности проходят, не отступятся. Вот только Потапова, непонятная женщина. Или очень хитрая, под дурочку косит, или на самом деле недотепа редкая.

В тридцать седьмой квартире побывала, печати сорвала. Ключ у ней откуда взялся? Да и про квартиру, где Уханов был прописан, как узнала? В письме о завещании указан только адрес конторы Уханова. От топтунов профессионально ушла, как в электричку села, так и вышла на первой или второй остановке. Где ее теперь искать. Одна надежда, к Желниной вернется... Та еще бабенка эта Райка - на рынке засветилась, давно тюрьма по ней плачет.

- Через Заречье сможем проехать? - Спросил водителя Максимов. Полковнику вдруг пришла интересная мысль.

- Скоро на лево будет отворот.

- Давай-ка через поселок.

- На третью линию? - Поинтересовался водитель, он и возил полковника в тот роковой вечер.

- Нет, не знаешь, где электричка останавливается?

- Там платформы нет, да и дороги.

- А люди как в поселок ходят?

- Через сосновый бор тропка есть.

- Точно знаешь?

- Теща там живет, иногда электричкой в город ездит.

- На автобусе не проще?

- Проще-то проще, да черт разберёт этих зареченцев. Давно у них так повелось. Может потому, что раньше дороги нормальной не было.

- Ну да, Заречье не так давно к городу присоединили, все деревней была, пока особняками не начала застраиваться.

- У тещи дом обычный, деревянный. К себе зовем, не хочет. Не поеду, говорит, в ваш муравейник, на свежем воздухе помирать буду.... Так куда едем, товарищ полковник?

- По второй линии проедем?

- Проедем, там хорошая гравийка.

- А теща твоя на какой линии живет?

- Там и линии, улицы нет, вроде как десятая, у самого леса. На второй линии куда?

- В начале второй меня высади, прогуляюсь, а сам на том конце поселка жди.

- Где дорога на мост?

- Можно и там. За час через поселок пройду?

- Минут за сорок быстрым шагом.

- Значит через час дойду. Автобус по какой линии в Заречье ходит?

- По четвертой. Конечная остановка в центре поселка у магазина.

- Вот по четвертой и поезжай, сигарет купи, а то у меня мало осталось.

Никакой определенной цели у Максимова не было. После тяжелого совещания решил пройтись, подышать пахучим сосновым воздухом. Даже курить не хотелось. Встретить в рабочий день людей на улицах поселка было редкостью. От тишины звенело в ушах, а шорох ветра в сосновых кронах лишь немного разбавлял тишину, добавляя покоя и умиротворения.

- И что люди стремятся в города? - Подумал Максимов, - Хотя и сам-то я давно не деревенский, стал городским. Прогуляться здесь хорошо, а жить постоянно... Нет, не поехал бы.

Когда Максимов миновал примерно половину поселка, впереди замаячил силуэт женщины. Она медленно шла в попутном направлении. Полковник отметил ее про себя автоматически, сработала профессиональная привычка откладывать в памяти события, которые могли пригодиться. Пришлось сбавить шаг, женщина шла медленно, догонять ее не хотелось пожалуй по простой причине - Максимов хотел отдохнуть, в том числе и от людей. Пустая улица его вполне устраивала.

- Одета не по нашему, - отметил полковник, - пальто не по росту, шляпа, в руке портфель, не портфель, не видел таких никогда. Почему раньше я ее не заметил? Может из переулка вышла. - И лишь спустя минут десять, пятнадцать пришла еще одна мысль, - Кого-то женщина мне напоминает? Точно! В сводке наблюдения так описана Потапова - пальто, шляпа, только портфель не указан. Значит, как взяли ее под наблюдение, с портфелем Потапова первый раз.

Фотографию Потаповой Максимов тоже видел, мог узнать женщину. Только сейчас Нина Ивановна была к нему спиной, да и расстояние сохранялось приличным. - Значит Потапова все же вышла из электрички на первой остановке и бродит по Заречью. Зачем? Что ей надо? Кого она ищет? - Один вопрос, тут же сменялся другим. - Странно! Все же стоит догнать ее, поговорить.

Максимов даже прибавил шаг, расстояние стало быстро сокращаться. Но вдруг навстречу женщине из переулка вышел мужчина. Они остановились, затем быстро пошли вперед к высокой стене из красного кирпича. Мужчина открыл калитку, пропустил Потапову, что это пропавшая женщина, сомнений больше не оставалось, зашел следом и захлопнул за собой металлическую дверь. Калиткой ее можно было называть весьма условно, скорее она больше походила на дверцу сейфа.

Максимов быстро перешел на левую сторону улицы, прошел вперед, кирпичный забор и дверь теперь находились через дорогу на противоположной стороне, и встал за деревом.

- Петр Сергеевич, - слышался знакомый шепот слева.

- Иван, ты? - Максимов вроде и не удивился капитану, с которым расстался часа два назад после разгромного совещания.

- Подработали ситуацию, пост организовали, - доложил капитан.

- А говорили, что негде?

- Пойдемте, покажу, как раз напротив забора Попова.

На левой стороне второй линии участок давно пустовал, зарос, дом здесь разрушился, но маленький сарайчик все же уцелел. Правда находиться в сарайке казалось небезопасным, крыша почти провалилась, да и двери не было.

- Продолжаем совещание? - Усмехнулся Максимов, заходя внутрь.

- Исправляемся, - доложил старший топтунов.

- Почему Потапову не перехватили? - Нахмурился полковник.

- Так на Ленина перехватили, вы сказали не надо было так делать. Поэтому и не стали здесь торопиться.

Нечего было возразить Максиму, хотя ситуация на Ленина и на второй линии были совсем разными.

- На Ленина и здесь человек один и тот же, - добавил один из топтунов.

- Точно?! - Переспросил Максимов.

- Точнее не бывает. Вот фото Длинного в городе, один и тот же человек. Мы его отсюда хорошо разглядели.

- Откуда Длинный вышел?

- Из переулка, Потаповой наперерез.

- О чем говорили?

- От нас далековато, только одно слово Длинного - Найдем.

- Дальше что? - Спросил Максимов.

Но ответа не услышал, сотрудники преданно и с надеждой смотрели на полковника.

Чужая женщина

- Привез? - Спросил Иван, не поворачивая головы. Голос у него был сиплым, посаженным, от этого тихим.

Авторитет сидел на втором этаже в кресле перед камином, вытянув ноги в валенках к теплу и смотрел на огонь через прикрытые веки. Всполохи пламени отражались в глазах старика, но не могли побеспокоить. Иван видел в огненном мерцании что-то свое, быть может вспоминал жизнь, давно сбившись со счета прожитых десятилетий.

- Сама пришла, - ответил Длинный, так его звали свои. - Внизу сидит, Зойка с ней, чаем поит.

- По ушам не езди, - Иван пошевелился, открыл глаза и насторожился. Если про него вообще можно было так сказать.

- Менты ее пасут, спалился я в городе.

- Ключ от хаты показал?

- Не взяла...

- Надо думать... Ушел?

- Хвоста не было.

- А она?

- Не понял, то ли ушлая, то ли прибабахнутая, но от лягашей грамотно свалила...

- Ее как узнал?

- Из подъезда где Райка живет, вышла. Саквояж у ней козырный, твой.

- Не потерялся стало быть, сберегла Валька. Дальше что?

- До вокзала пешком дошла, менты следом, я отстал...

- Потом?

- Не понял...

- Как было-то? - Иван как мог повысил голос, начал раздражаться.

- Она по перрону шла, вдоль электрички. Вдруг дождь, мадама и зашла в вагон, а тут двери закрылись, электричка свистнула, ну и все... Легаша заметались, да поздно было.

- Почему мадама?

- Одета не по нашему...

- Ладно, ты как?

- Товарняк следом шел, я на нем. На Зареченской остановке спрыгнул.

- А мадама что, тоже сошла?

- Тоже...

- Как узнал?

- Там тропинка к поселку, смотрю, стоит, озирается...

- Почему стоит?

- Сам у ней спроси.

- Спрошу... Куда она шла?

- Да никуда, бродила по лесу, на автобус в город не села, дошла до реки, камешки в воду кидала...

- Камешки кидала?

- А что?

- Мать ее тоже любила...

- Потом обратно пошла, может на автобус в город. Тут я к ней еще раз подошел. Вдруг уехала бы...

- Не испугалась?

- Нет вроде, удивилась только... Про тебя пришлось сказать.

- Поверила?
- Не знаю, про завешание спросила, сказал, что ты найдешь... мы найдем.
- Уж больно гладко, не бывает так. Помогите-ка встать.
- Да, гладко, - ухмыльнулся Длинный, поднимая Ивана, - морду покарябал, вот прикид... да черт с ним...
- Правильно меркуешь...
- Руки, ноги целы.
- Главное башка на месте, остальное заживет.
- Передвигался Иван с трудом, особенно по лестнице спускался долго, держась за перила, опираясь на палку. Да и Длинный его страховал, поддерживал спереди.
- Валенки скользкие, сколько прошу на резину поставить, - ворчал старик, - слечу с лестницы, и все, поминай как звали. - Нина, вот радость-то в дом!
- Здравствуйте Иван Сергеевич, - Нина Ивановна сидела за столом и нисколько не удивилась.
- Узнала, дочка! - Обрадовался Первушин, осторожно опускаясь на стул напротив Потаповой. Длинный поддерживал старика.
- Фотография ваша на комодке рядом с маминой.
- Значит можно меня еще узнать?
- Можно, только не дочь я ваша, свой у меня отец... был.
- Знаю, все знаю. Не сердчай, дочкой тебя называть буду, раз родилась ты от Вали, любимой женщины моей... Никого так не любил, как ее.
- Ну что же, - Нина Ивановна неопределенно пожала плечами, - называйте, как хотите. А Рая как же? - Спросила гостя. - Мы ведь и не знали, что сестры.
- И Рая дочь, только...
- Она не знает, живы вы или нет. Как так получается?
- Разбредила душу... не надо.
- Извини... те, если что не так!
- Так! Права ты, во многом права... Только видишь, как жизнь сложилась!
- Да жизнь всегда одна, люди разные...
- И тут соглашусь, - Иван тяжело вздохнул, - не думал, что такой разговор у нас получится.
- Хозяин оглянулся и попытался крикнуть в сторону кухни. - Зоя, налей-ка мне чая.
- Я-то налью, - ответила с кухни невидимая Зоя, - только врач запретил вам чифирить.
- Вот оно, как получается, - Иван покачал головой, - совсем прав у меня не осталось на этом свете. Прошу божье провидение забрать на светлые поляны, ан нет, не хочет. Сколько зон истоптал, сколько по воле тосковал, а вот она воля, бери, да мочи уже нет такую волю хлебать.
- А хотите, я Раю привезу? - Вдруг спросила Нина Ивановна.
- Раю, - усмехнулся Иван, - Думаешь, не звал ее?
- Ничего не говорила...
- То-то и оно! Все для нее сделал...
- Что за кошка между вами пробежала, - Нина Ивановна не спросила, рассуждала, пожимая плечами.
- Можно саквояж?
- Забирайте, ваш он.
- Посмотрю только и отдам, - пообещал Иван.

Выяснение отношений

Иван поставил саквояж себе на колени, прикрыл глаза и на какое-то время замер, приложив ладони к старой весьма потертой коже, оставшейся мягкой и видимо приятной на ощупь.

- Привезла, - прошептал старик, вернее губы его шевельнулись, и стало понятно слово, прошепелестевшее в притихшей комнате.

- Маму, Валю свою добрым словом помяни, - нарушила тишину Нина Ивановна, - она портфельчик сохранила, письма твои в нем лежали, документ на квартиру, три книги...

- Письма читала? - Иван открыл глаза.

- Что я, зачем они мне... - Все же Нина Ивановна поправилась, - так, посмотрела немного.

- Осуждаешь меня?

- Тебя-то за что... Любил ее... Скорее маму можно, хотя как она могла тебе ответить... У нее другая семья, замуж вышла... я родилась.

- Кто ж ей пенять за верность посмеет...

- А ты зачем к нам, к ней приезжал?

- Увидеть захотелось, в ясны очиньки ее бесстыжие посмотреть...

- Что-ж это за любовь такая? - Удивилась Нина Ивановна, - Последними словами ее кро-
ешь.

- Э-э-э, - покачал головой Иван, - одно с другим не мешай, разное...

- Не бывает так, не по понятиям живем, по совести.

- А ты знаешь понятия-то?

- Разбираюсь, родиться не успела, уже зону топтала... ума набиралась. Ты мне вот что скажи. Отца моего видел, встречались?

- Поговорить нам с Валькой не дал, прибежал. Как прознал, не знаю...домой тогда я к вам заявился. Он вроде и прийти-то не должен был. Так мать твоя сказала... - Иван задумался.

- Дальше-то что? - Спросила Нина Ивановна.

- Он в драку... Утихомирил мужика, батяню твоего.

- Убил?! - Нина Ивановна даже привстала.

- Что ты! Вот те крест! - Иван даже перекрестился, глянув на икону в углу комнаты. - Зачем лишний грех на душу брать! Ушел, больше с Валькой мы и не виделись... Саквояж вот забыл. Однако вернулся он к старому хозяину. - Иван поглаживал мягкую кожу.

- Верить-то как тебе?

- А я и не прошу, давно все быльем поросло. Меркую, папашка твой в ящик сыграл?

- Умер, - поправила Нина Ивановна. - Ты Рае про Магадан рассказывал?

- Как не рассказывал, про мать вашу говорил. Только Райка здесь при чем?

- Она и намекнула, что ты моего батю порешил.

- Вот ведь... - Иван покачал головой и замолчал... - Не зря значит...

- Что не зря?

- Райку от себя отвадил.

- Бог ей судья...

- Он разберется, - согласился Иван, но уточнил. - Только суд его не скорый.

- Три книжки Рубашкина в саквояже, твой?

- Не было вроде, с роду не читал. Кроме этого саквояжа у меня и вещей с собой тогда не было, белье на сменку, мелочевка разная... Да, документ Вале на квартиру привез, помню, просил вернуться, мол квартира теперь твоя... Нет, не согласилась, гордая была. А комната ее сейчас как?

- Так все и осталось, как раньше... А гордой что, не быть? Ты же ее в тюрьму засадил!

- Опять Райка наболтала?

- Она.
 - Да уж. А я тогда в другой квартире жил.
 - В тридцать седьмой?
 - Она, ключ в саквояже так и остался. Нашла?
 - Даже была в ней, пустая стоит, без мебели. Только стул на кухне.
 - Уханову хата досталась, не знаю, что он там творил.
 - Мне письмо от него пришло... Поэтому и приехала.
 - Про наследство что ли? - Усмехнулся Иван.
 - Ну, да. А есть наследство?
 - Есть, - уверенно ответил Иван. - Вале я подарок сделал, когда вас с Раей еще и в проекте не предполагалось. - Старик засмеялся. - Только мама ваша такое учудила! В страшном сне не приснится.
 - Завещание на будущих детей?
 - Ну, да.
 - А нас с Раей точно двое?
 - Это у вашей мамы надо спросить, - опять засмеялся Иван.
 - Раньше надо было спрашивать, - поддержала Нина Ивановна. - А зачем она так поступила?
- Вам женщинам лучше знать. Для нас, мужиков, женская душа не просто потемки, а мрак и бездна.

Последствия телефонного разговора

В комнате повисло молчание, разговор зашел в тупик, и обсуждать вроде было нечего, хотя до главного вопроса о завещании и непонятном наследстве так и не дошли. Нина Ивановна нетерпеливо заерзала на стуле и вопросительно посмотрела на Ивана, он здесь был за главного. Длинный, тот, кто привел Потапову, в комнате постоянно не сидел, заглядывал на кухню к Зое погреться, перехватить чего-нибудь, а большую часть времени находился на участке. Наверное следил за тем, как там, выполнял обязанности охранника.

Зоя! - Иван, не оборачиваясь, позвал женщину с кухни.

- Ну тут я, тут, - отозвалась раздражительно Зоя, только раздражение это было напускным, свойским.

- Долго нас будешь голодом морить?! - Иван тоже вроде нагнал в голос строгости.

- Давно готово, - отозвалась до сих пор невидимая Зоя.

- Так что молчишь?

- Сам приучил в разговоры не вступать, вот и жду.

- Также мне, приучил, - проворчал Иван, передразнивая Зою, - накрывай, обедать будем.

- Может я пойду, - заволновалась Нина Ивановна, - пора мне. Рая беспокоиться наверное, тоже к обеду ждет.

- Подождет твоя Рая, - буркнул Иван.

- Какая же она моя? - Возразила Нина Ивановна, опять добавляя напряжения и непонимания. - Твоя дочь!

- Вы же сестры!

- Руки где помыть? - Нина Ивановна перевела разговор.

- Зоя покажет, - ответил Иван, поставил саквояж на пол и с трудом поднялся, опираясь на палку. - Я вот пока по комнате похожу, говорят ходить надо, а то коленки не гнутся, болят.

Нина Ивановна прошла на кухню, где находилось хозяйство Зои. Хозяйка оказалась помоложе гостыи, но возраст ее уже перевалил за средний, причем прилично.

- Удобства где у вас, не на улице?

- Да, нет, что вы, - удивилась Зоя, - пойдёмте, покажу.

Пока женщины занимались своими делами, со двора заглянул Длинный, явно встревоженный.

- Ну? - Почуввав неладное, спросил Иван.

- Через дорогу в сараюшке кто-то топчется. Похоже как те, что на третьей линии с той стороны сидели.

- Там Попова конторские пасли. Здесь им что делать?

Длинный молча пожал плечами, мол за что купил, за что продал.

- Ты хвост притащил?

- Точно нет, проверялся. Да и мадаму эту по поселку мотало...

- Может ее пасут?

- В городе пасли. Говорил же, ушлая, так ноги сделать уметь надо.

- Не пойму ее, вроде баба умная, а как залепит, так хоть со стула падай или лапшу с ушей стряхивай. С наружи кто сегодня?

- Пантюха.

- Молодец.

- Пантюха и заметил двоих, что в сарае. Они много раньше мадамы появились.

- Нас пасут?

- Может беспредельщики?

- С ними вроде порешали. Не лягаши?

- Им-то что до нас, мы от дел отошли... Там еще один мужик шел и пропал.

- Это ты к чему?

- Так, - Длинный пожал плечами.

Пока Иван и Длинный шептались, Зоя, Нина Ивановна ей тоже помогала, накрыли на стол. Обед, как обед, никаких разносолов не было. Пища готовилась исключительно под Ивана, его держали на строгой диете, да он и сам не возражал. Его заявления о том, что пора уходить, что жить тяжело, были скорее фарсом, причем не для кого-то, а больше для себя. Иван верил не в истину, а в нечто большее, проверенное на собственной жизни - скажешь вслух о плохом, оно и не случится, вроде как уже будет прожито.

- У вас телефон работает? - Спросила Нина Ивановна, приметив у стены на тумбочке телефон.

- Зачем тебе? - Иван снова сел за стол, а Зоя налила ему в тарелку жиденького куриного бульончика.

- В Магадан можно позвонить? Подружке не сообщила, как доехала. - Предвидя возможный вопрос, Нина Ивановна добавила, - я заплачу.

- Сочтемся, - определил Иван, зачерпнув из тарелки почти прозрачной жидкости. - Солонка где у нас?! - Проворчал старик, вопрос относился к Зое.

- Соли по норме, - ответила Зоя.

- Эх, - тяжело вздохнул Иван, но спорить не стал, только спросил. - На второе что?

- Курица вареная с картофельным пюре.

- Вот так и живу, а ради чего живу. Может Нина, хоть ты подскажешь?

- По совести жить надо, говорила уже.

- Ну да, ну да.

- Позвоню подружке? - Напомнила Нина Ивановна.

- Звони. Зое номер скажи, она разговор закажет.

Зоя послушно набрала междугородку и заказала Магадан. Нина Ивановна продиктовала хозяйке домашний номер Тамары Петровны.

Обедали молча. Нина Ивановна все хотела спросить Ивана, что ей делать с письмом нотариуса, но теперь посматривала на телефон, ждала Магадан. Сообщить Тамаре о себе конечно надо было, но с подругой хотелось поговорить и о завещании. Только как это можно было сделать при посторонних? Иван не внушал доверия.

- Случись что со мной, завещание никто не получит, - пыталась успокоить себя Нина Ивановна, но тут вдруг сердечко екнуло, - Как это никто, а Рая! Она тоже мамина дочь и родилась после составления завещания. Будет кому распорядиться наследством. - Хотя о наследстве сестры и говорили, только Нина Ивановна никак не связывала свою безопасность с появлением сестры. - Вот ведь как получается...

Иван обедал и молчал. Просто поглощал еду, необходимую ему для жизни, с которой прощаться он как не хотелось. И тот же самый вопрос с наследством мучил его. - Кого выбрать из двух сестер? Две наследницы явно ни к чему. Оставить надо ту, с которой проще договориться. Райка для этой цели подходит меньше, но и Нина, мадама, как назвал ее длинный, могла доставить массу хлопот. Дурак, сделал подарок Вальке, а она вона как. Дождался ее смертушки, а самому-то сколько осталось... Уханова всю жизнь пас. Жильем обеспечил, сначала квартирой, потом этот дом ему построил. Рядом особняк запросил, чтоб не хуже, чем у Попова. Пожалуйста! Только опередили меня. И главное, неизвестно кто. С беспредельщиками договорился. Из новых? Сейчас все может быть. Попов? Этому дураку море по колено. Кому Уханов мою тайну продал?

Телефон зазвонил резко, частыми и короткими звонками. Нина Ивановна вздрогнула, уронила ложку в тарелку и подбежала к телефону.

- Да, да заказывали! - Говорила Потапова громко, почти кричала, что есть силы прижав трубку к уху.

- Тамарочка, я это, Нина!

- Какая ночь? У нас день!

- У вас ночь? Разбудила?

- Ну извини, не подумала.

- Да, у меня все хорошо!

- Нет, не могу вступить в права наследства.

- Почему? Нотариус умер. Хотела у тебя спросить, что дальше делать?

- Подумаешь? Ну хорошо.

- Нет, я сама тебе перезвоню... Подожди, попросить тебя хотела. - Нина Ивановна оглянулась на хозяина, видимо не могла решиться, говорить об этом или нет, но все же спросила.

- Узнай причину смерти моего отца, сможешь?

- Записывай, Потапов Иван Васильевич, майор.

- Да, в Эльгене служил, там женская колония была, потом в Магадане.

- Зачем? Не болел ничем, а умер рано.

- С наследством может быть связано.

- Да, мне так кажется. Когда перезвонить?

- Сегодня вечером? Ну да, у нас уже завтра будет и утро.

Нина Ивановна положила трубку и вернулась за стол с видом победительницы, видимо по своей наивности полагая, что таким разговором обезопасила себя.

- Кто она, подружка твоя? - Спросил враз помрачневший Иван.

В прокуратуре работала, - гордо ответила гостя, - а сейчас адвокат. Связи в органах у ней остались.

Ожидание новостей

- Значит ночевать здесь остаешься? - Спросил Иван Нину Ивановну.
- Нет, меня Рая ждет и так наверное уже потеряла. - Ответила гостья, пора мне, засиделась и встала из-за стола.
- Подружка твоя, как ее...
- Тамара, - подсказала Нина Ивановна и предвидя вопрос упредила. - В городе на переговорный схожу, оттуда ей позвоню.
- А ты малость не попутала? - Возмутился Иван.
- Да вроде нет...
- Мне предьяву залепила, а дальше что?
- Ничего...
- За слова свои ответишь.
- Это как? - Нина Ивановна не вполне понимала ситуацию, в которой оказалась.
- Сама тут говорила, по совести надо жить, не по понятиям. Вот и позвонишь Тамаре отсюда. Мне тоже интересно, что подруга твоя скажет. А там и решать будем, как нам дальше жить, что делать.
- Так я приеду и расскажу...
- За базар ответ держать надо. А вдруг не приедешь? Мне что, Длинного с братвой за тобой посылать? Они ребята борзые, как я с тобой разговаривать не будут. Так что на ночь с Зоей в ее комнате устроишься. Поняла?
- Поняла, - Нина Ивановна обреченно опустила на стул и никак не могла понять, что не так, почему получилось не по ее, но только спросила, - А Рая как же?
- Длинный! - Позвал Иван своего помощника.
- Здесь я, - из прихожей зашел тот самый длинный, там сидел.
- Разговор слышал?
- Пентюх к Райке сбегает, предупредит.
- Слышала? Так что спи здесь спокойно, никто о тебе волноваться не станет. А утром вместе и услышим, если услышим, от чего Иван Васильевич, папашка твой, и мой тезка помер.
- Ладно, - согласилась Нина Ивановна без настроения. Да какое тут могло быть настроение, если получалось не так, как ей хотелось. Не привыкла женщина к такому обращению, подумать не могла, что так оказывается бывает.
- Зоя! - Позвал Иван. - Приюти на ночку гостью.
- С удовольствием! - Отозвалась с кухни Зоя. - Хоть будет с кем поболтать, а то мужики одни, надоели. Нина, пойдем в мою комнату, диван там хороший. А хочешь, на кровать ложишься.
- Мне уж лучше на диване, - вздохнула Нина Ивановна и подумала. - Вот влипла-то, зачем Тамаре позвонила? - Такие рассуждения у женщины случались редко.

Небольшой дом, в котором теперь жил Иван, раньше принадлежал Уханову, под него и построен был когда-то, пока амбиции нотариуса не зашкалили. Да вот беда, особняк так и не успели возвести, не дождался он своего хозяина. Безвременно почил Сергей Лазаревич при весьма странных обстоятельствах, пока не выясненных. А этот дом был вполне добротным, кирпичным. На первом этаже имелась гостиная, комната Зои, кухня и удобства, весьма приличные, даже с ванной. Второй этаж был мансардным, состоял из одной комнаты. Газовое отопление работало хорошо, а вода из своей скважины могла быть и лучше, попадался песок, известь тоже имелась.

В мансарде жил Иван Сергеевич Первушин, вор в законе, в прошлом весьма авторитетный, удалившийся на заслуженный покой. Отдыхал у камина в кресле, дремал, вспоминая свои

подвиги, и вниз спускался далеко не каждый день. По его просьбе санузел на мансарде тоже оборудовали, правда попроще нижнего, парадного.

Охрана, свои братки, кантовались в строительном вагончике тут же на участке. Удобств в вагончике было минимум, топились буржуйка.

У Ивана Первушина и кличка была Иван, означала она - главарь, совпадала с именем и была весьма почетной. Братва Ивана не забывала, люди приезжали, больше авторитеты, не просто навещали, а вопросы решали. Слово Ивана ценилось, не подлежало сомнению, неукоснительно исполнялось. Сказал, значит тому и быть. Одно дело не мог решить Иван. Досталась ему еще смолodu одна вещица, как оказалось ценности невероятной. Но стоимость выяснилась позже. До этого Иван успел подарить ее Вале, Валечке, в которой души не чаял, быть может и любил.

Правда подарил не просто так, надо признаться честно, спрятал от органов. Тем более скоро был закрыт в КПЗ, откуда поехал в края заповедные, весьма далекие, где восемь лет большей частью отдыхал, пока мужики лес валили. Зона оказалась не красной, не черной, а какой-то серой. Но авторитету, где бы не был, работать все равно запаadlo.

Валя оказалась бабенкой весьма ушлой. Не была бы такой, не подмяла под себя общепит на центральном рынке областного центра. Когда Иван вернулся, то поинтересовался своим подарком, тут и начались непонятки. Любовь, которая была, нет ли, враз рассеялась. Давнуть на Валу Иван все же не решился, но отправил охолониться в популярный колымский край. Думал, встанут у ней мозги на место. Только вышло совсем по-другому, а бесценный подарок оказался вне досягаемости. О дочери своей Иван тоже узнал позже, все для нее сделал, рискуя авторитетом. Но Рая видимо от мамы не далеко ушла, многое переняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.